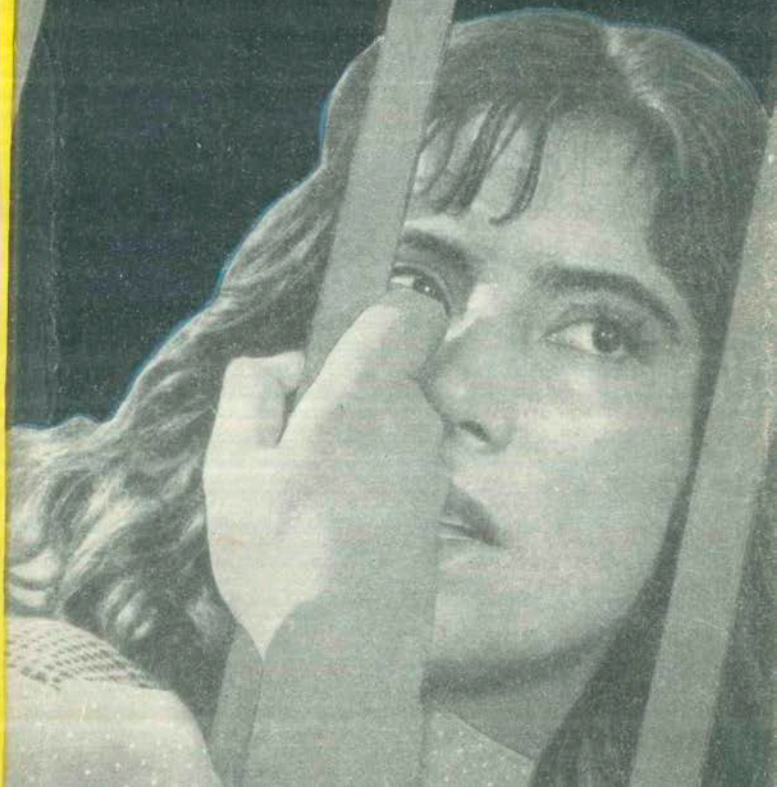

Летят
ЖУРАВЛИ

ВИКТОР РОЗОВ

Летят журавли

Киносценарий

Государственное издательство

«Искусство»

Москва 1959

Виктор Сергеевич Розов родился в 1913 году в г. Ярославле. Окончив среднюю школу в Костроме, начал работать на текстильной фабрике. В 1934 году поехал учиться в Москву в театральную школу при Московском театре Революции и затем стал актером этого театра. В первые дни войны В. Розов ушел на фронт. Был ранен. Выписавшись из госпиталя, снова стал работать в театрах в качестве режиссера и актера. Одновременно учился на заочном факультете Литературного института им. Горького.

В 1949 году была поставлена первая пьеса В. Розова «Ее друзья».

С работой в кино он столкнулся впервые в 1956 году, когда стал писать для киностудии им. Горького сценарий по своей пьесе «В добрый час!» В 1957 году фильм «В добрый час!» вышел на экраны.

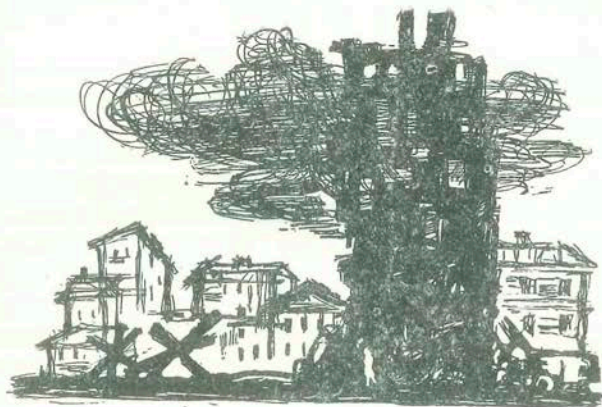
Осенью того же года вышел фильм «Летят журавли», сценарий для которого В. Розов написал по мотивам своей пьесы «Вечно живые». Фильм «Летят журавли» был удостоен в 1958 году на Международном кинофестивале в Канне высшей премии — «Золотой пальмовой ветви». Он и сейчас продолжает демонстрироваться во многих странах мира.

Виктор Розов
ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

Редактор *Т. И. Миронова*
Сформисние художников *Л. Г. и И. П. Виноградовы*
Художественный редактор *Э. Э. Ринчино*
Технический редактор *В. А. Горина*
Корректор *Р. Г. Панфилова*

Подписано в печать 9/V 1959 г.
Сдано в набор 27/VI 1959 г.

По оригиналу-макету
Форм. бум. 70×92^{1/2}. Печ. л. 3 (условных 3,5)
Уч.-издат. л. 3,33. Тираж 10 000 экз. Ш-041162
«Искусство», Москва И-51, Цветной бульвар, 25
Изд. № 15258. Зак. 602
20-я типография Московского городского совнархоза
Москва, Ново-Алексеевская, 52
Цена 1 р. 85 к.

Предраcсветный час. Набережная Моcквы-реки около Крымского моста.

По набережной, взявшись за руки, бесцельно и бездумно, как и все влюбленные, идут Вероника и Борис.

Вероника вдруг запрокидывает голову, смотрит в чистое, безоблачное небо и говорит:

— Боря, Боря, смотри!
Борис тоже смотрит вверх. В небе плавно

и торжественно летит большая стая журавлей.

Вероника говорит тихо и мечтательно:

— Журавлики-кораблики
Летят под небесами,
И серые, и белые,
И с длинными носами...

В это время сзади Вероники и Бориса движется машина, поливающая улицы. Одно мгновение... и струи воды с ног до головы обдают Веронику и Бориса.

Влюбленные растеряны, но это не нарушает их веселого настроения.

Борис выжимает волосы Вероники, снимает пиджак, набрасывает его на плечи возлюбленной и в то же время поддразнивает:

— Вот тебе и «журавлики-кораблики»!

Борис и Вероника идут по улицам Москвы. Вот они поднимаются по Историческому проезду на Красную площадь. На Спасской башне Кремля часы бьют четыре часа. Над Москвой восходит солнце.

Вероника и Борис стоят в подъезде дома, где живет Вероника.

Борис (*тихо*). Когда теперь?

Вероника. В четверг, на набережной.

Борис. Ой, как долго, Белка!

Слышен лай собаки. Вероника и Борис бросаются в разные стороны: Вероника бежит вверх по лестнице, а Борис прячется внизу.

Лай собаки затих, и Борис стремглав бежит по лестнице за Вероникой.

Борис. Белка! Белка! Подожди, мы так и не договорились.

Догнав ее на третьем этаже, Борис, задыхаясь, продолжает:

— В котором часу? Во сколько в четверг?

Снова раздается лай собаки. Опять Вероника стремительно бросилась вверх, а Борис сбежал на несколько ступенек вниз.

Вероника, стоя наверху, показывает пять пальцев — пять часов.

Борис (*очень тихо*). Не могу, я же на заводе до шести часов.

Тогда Вероника показывает на пальцах семь.

Борис. Только не опоздай!

Вероника. Нет.

Поднимается вверх. Борис движется за ней, но вот Вероника уже открыла дверь и исчезла.

В это время из соседней двери показывается гражданин в пижаме. Он ведет на поводке собаку.

Увидев Бориса, собака с лаем бросилась на него, и Борис мчится вниз по лестнице.

Вероника в полутемной прихожей, заваленной домашним скарбом, снимает туфли и на цыпочках, почти не дыша, идет по коридору.

Вот она проходит мимо спящих отца и матери, открывает дверь в свою комнату и осторожно прикрывает ее.

И в то же время отец и мать Вероники открывают глаза — совершенно ясно, что они не спали, ожидая дочь.

Мать. Закружил он ей голову.
Отец. А она ему. Любовь — это, милая моя, взаимное головокружение.

Отец повернулся на бок и спит.

Вероника в своей комнате швырнула в угол туфли, распахнула окно и, счастливая и радостная, бросилась на постель, зарываясь лицом в подушку.

Борис стоит в прихожей своей квартиры и точно так же, как Вероника, сняв ботинки, на цыпочках идет в свою комнату. Вот он проходит мимо кухни, заходит в нее. Раскрыл дверцы буфета, взял кусок хлеба, ест. Приоткрыл кастрюлю и пальцами вытаскивает оттуда макароны.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, он обернулся. Это бабушка, подвязывая передник, смотрит на него.

Борис. Бабушка, а вы почему не ложитесь спать?

Бабушка. А я уже встала, Боря.

Борис слегка сконфужен.

Вот он проходит мимо спящей сестры Ирины, и Ирина сквозь сон бормочет:

— Не чавкай... Шляется по ночам...

Борис. А ты не завидуй!

Борис вошел в свою комнату, где спит его двоюродный брат Марк.

Борис снимает пиджак и вешает его на стул, стоящий около кровати Марка.

Марк (не открывая глаз). Не разорвал?

Борис. Цел твой пиджак, не беспокойся,

Борис сладко потянулся и с размаху упал на кровать.

Столовая в квартире Бороздиных. За столом Федор Иванович, бабушка, Ирина, Марк. Около Ирины пустой стул — место Бориса. Бабушка режет воскресный пирог.

Ирина (посмотрев на пустой стул). Безобразие, двенадцать часов, а он еще спит.

Бабушка. Работает много, устает, пусть хоть в воскресенье отоспится.

Ирина. Кончится эта работа свадьбой.

Марк. А ты отстаешь от него.

Бабушка. Ирине о диссертации надо думать, а не о свадьбе.

Марк. Смотрите, дядя Федя, обгоняет вас. Она без пяти минут кандидат медицинских наук, а вы все еще рядовой врач.

Федор Иванович. Ну, если дети не обгоняют родителей, значит, и родители плохи и дети балбесы.

Бабушка раскладывает куски пирога по тарелкам.

Большие столовые часы бьют двенадцать. Сразу же раздаются позывные сигналы радио. Все прислушиваются.

Голос диктора. Говорит Москва... Работают все радиостанции Советского Союза...

С улицы доносится шум толпы. Ирина встает из-за стола и бежит на балкон.

Ирина (на ходу). Что-то произошло.

Бабушка. Что случилось? Что?

Бабушка и Федор Иванович встали из-за стола, идут к радиоприемнику.

Борис крепко спит в своей постели. В комнату вбегает растерянный, ошеломленный Марк. Он трясет Бориса за плечи и кричит:

— Боря, Борька, война! Проснись, война! Борис с трудом приоткрывает глаза.

Марк. Началась война, слышишь, Боря! Борис (снова закрывая глаза). Ну и

пусть.

Устраивается поуютнее в постели и засыпает.

Снова набережная у Крымского моста. Облокотившись на перила, стоит Вероника. Она ждет.

Вверх по лестнице к ней стремительно поднимается Марк.

Марк. Здравствуй, Вероника! Борис не придет, он день и ночь на заводе. Ведь ты его ждешь?

Вероника. Никого я не жду.

Марк. Ох, эта война, война! Ты знаешь, главное сейчас — не растеряться, сохранить ритм нормальной человеческой жизни. Вот я мечтаю посвятить тебе фортепьянный концерт. И это будет! Придешь слушать?

Вероника (думая о своем). Скажи, а тебя могут взять в армию?

Марк. Не знаю... вряд ли.

Вероника. Почему?

Марк. Ну... будут давать броню тому, кто наиболее ценен.

Вероника. А ты ценность?

Марк (полушутя-полусерьезно). О, безусловно!

Он засмеялся, и Вероника смеется тоже. Но это не веселый смех.

Марк как бы случайно положил свою руку на руку Вероники, но Вероника мгновенно заметила эту «случайность», категоричным движением высвободила свою руку и пошла. Марк последовал за ней.

Вероника (остановившись). Зачем ты все время преследуешь меня? Неужели не стыдно?

Марк. Стыдно. Я тысячу раз давал себе слово... Ведь я знаю, что Борис мой брат, и ничего не могу с собой поделать. Ничего не могу!..

Вероника повернулась спиной к Марку и быстро стала спускаться по лестнице на набережную.

Марк. Подожди!

Он побежал вслед за Вероникой, догнал и остановил ее.

Марк. Можно я провожу тебя домой?

Вероника. Нет, не надо.

Вероника идет одна вдоль набережной, заставленной противотанковыми ежами. Марк прислонился к каменному устою моста и смотрит вслед удаляющейся Веронике.

Во дворе завода, на котором работает Борис, копают противовоздушные щели. Среди копающих Борис и его товарищ — инженер

Кузьмин. Они ожесточенно орудут лопатами.

Борис. Осторожнее, Анатолий Александрович, вы же сейчас себя по ноге ударите.

Кузьмин. Дорогой Борис Федорович, ко всему надо привыкать, на фронте будет труднее.

Борис. Вас на фронт не пустят.

Кузьмин. Броня будет одна на двоих — или вы, или я.

Борис. Совершенно правильно, вы и останетесь — у вас знания, опыт...

Кузьмин. А у вас нечто большее — талант. Вы чертежи берегите.

Борис. Непременно.

Кузьмин. Знаете, мне жена сшила такой прекрасный мешочек за плечи... Ну что же, как говорится, возьмем штык в руки.

Борис (*смеется*). Обязательно штык в руки!

Заметив кого-то, идущего по территории завода, Борис бросил лопату и стал вылезать из траншеи.

Борис (*бежит по территории и кричит*). Степан! Степан!

Идущие впереди него и разговаривающие Степан и Сачков остановились. В это время доносится голос из репродуктора:

— Самое главное в противовоздушной обороне...

Борис подбежал к Степану.

Борис. Степа!.. Извини меня, Сачков.

Сачков понимающе кивнул головой и отошел в сторону.

Борис. Ну что, повестка есть?

Степан. Нет. Чего они там душу тянут, не понимаю! Ты домой?

Борис. Нет, я...

Степан (*хитро*). А... понятно. Ну, ладно, кланяйся ей от меня.

Борис. Хорошо.

Степан обнял Бориса за плечи, и они движутся по территории завода.

Степан. А ты ей сказал?

Борис. Нет, зачем же я буду раньше времени.

Степан. Да, это верно. Ну, счастливо, до завтра!

Борис. Будь здоров!

Они попрощались, пожав друг другу руки.

В комнате у Вероники. Борис и Вероника с громким смехом тянут в разные стороны фланелевое одеяло.

Борис. Пусти!

Вероника. Не пушу!

Борис. Упадешь!

Вероника. Еще чего!

Борис. Слушай, пусти, дай сделаю затемнение! Не отдашь, милиционера позову!

Вероника (*смеясь*). Не хочу никакого затемнения.

Одеяло выскальзывает из рук Вероники, она падает на пол, но, быстро вскочив, бежит к Борису, который уже успел взобраться на подоконник и прилаживает одеяло, делая из него шторы для затемнения.

Вероника тянет Бориса за ноги.

Борис. Белка! Ну перестань, пожалуйста!

Вероника обхватила ноги Бориса и, прижавшись к ним головой, лукаво смотрит снизу вверх на своего возлюбленного.

Вероника. Вот ты не пришел сегодня на набережную, а Марк приходил.

Борис. Ну и что?

Вероника. А он красивый.

Борис. Это бесспорно.

Вероника. Не ревнуешь?

Борис. Чего? Чего?

Вероника. Не ревнуешь, говорю?

Борис. Некогда.

Вероника. Жаль.

Она о чем-то задумалась и прошла по комнате.

Вероника. Вот подожди, я поступлю осенью в архитектурный институт...

Борис. Примут ли еще!

Вероника. Не беспокойся.

Борис (*поддразнивая*). А я сомневаюсь.

Вероника вдруг начинает кружиться по комнате и напевать:

— Журавлики-кораблики
Летят под небесами,
И серые, и белые,
И с длинными носами.
Лягушечки-квакушечки
По берегу гуляли,
Все прыгали и шмыгали
И мошек собирали.

Нравятся стихи, Боря?

Борис. Очень содержательны!
Вероника подбегает к Борису, обхватывает его ноги и говорит:

— Журавлики-кораблики
Лягушек увидали,
Спустились, садились
И тыщи их пожрали!

И в это время Вероника валит Бориса с подоконника на пол. Вот Борис лежит, распластавшись на спине, на полу, а Вероника наступила ему ногой на грудь и смотрит на него с видом победительницы.

Вероника (*хохочет*). Победила, победила, победила!

Вероника отбежала к подоконнику. К ней подошел Борис.

Вероника (*вдруг сделавшись очень серьезной*). А тебя могут взять в армию?

Борис. Конечно.

Вероника. Сам бы пошел!

Борис. А что, возьму и пойду.

Вероника. Никуда ты не пойдешь. Отлично знаешь, что тебе дадут бронь, вот и хорохоришься.

Борис. Почему ты так решила?

Вероника. Знаю, всех умных забронировуют.

Борис. Значит, по-твоему, одни дураки воевать будут?

Вероника (*обидевшись*). Больше я с тобой не желаю разговаривать.

Вероника отошла в сторону. Борис подходит к ней.

Борис. Вероника!..
Вероника закрылась от Бориса тюлевой шторой.

Борис. Я хотел поговорить с тобой серьезно.

Вероника. А я не желаю. *(Отбросила штору.)* И вообще не называй меня Вероникой. Кто я?

Борис молчит.

Вероника. Я тебя спрашиваю, кто я?

Борис. Ну, Белка.

Вероника. То-то!

Борис. Послушай!..

Но Вероника, не желая слушать, обняла Бориса и шепчет ему на ухо:

— А что ты мне подаришь завтра?

Борис. Секрет!

Вероника. Если что-нибудь вкусное, я сразу съем и скоро забуду... Ты мне подари что-нибудь такое, чтобы было на долгую память, до старости... Поцелуй меня!

Борис смотрит на Веронику нежными, тоскующими глазами и целует ее в кончик носа.

Вероника снова обхватила Бориса за шею и шепчет:

— Ты знаешь, когда ты со мной, я ничего не боюсь, даже войны не боюсь. *(Рассмеялась и добавила.)* Впрочем, завралась, милиционера боюсь.

Борис *(его глаза очень серьезны)*. Вероника...

Вероника *(не слушая Бориса)*. Знаешь что, Борис!

Борис. Не знаю.

Вероника. Я сошью себе на свадьбу белое подвенечное платье, вон как у бабушки.

И она показала рукой на висящую на стене в старой рамке фотографию, где сняты бабушка Вероники в сюртуке и бабушка в подвенечном платье с флердоранжем и фатой на голове.

Вероника. Надену фату длинную-длинную... А ты наденешь черный костюм. И так мы с тобой пойдём...

Борис. В загс.

Вероника. Решено?

Борис. Решено!

Но это утверждение Бориса звучит как то нетвердо и отвлеченно.

Он снова влез на подоконник и сделал светомаскировку. В комнате стало темно.

Вероника. А ты знаешь, мне нравится затемнение. Из окна, что напротив, всегда видно, что в комнате делается, а теперь... Поцелуй меня!

Борис целует Веронику. В это время слышно, как открывается входная дверь, и на влюбленных падает луч света.

Голос Степана. Здравствуйте!

Вероника. А, Степан!

Спрыгнула с подоконника, бежит к Степану, дружески снимает его.

Вероника. Сейчас я тебя чем-то угощу!

Степан. Чем?

Вероника. Секрет!

Убежала на кухню. Борис быстро подошел к Степану.

Борис. Ну, пришла?

Степан. Пришла.

Борис. Чего же ты молчишь! Рассказывай!

Степан. Значит так... На заводе что творится! Ребята побежали в парикмахерскую, стригутся, я сразу к тебе...

Борис. Ты покороче.

Степан. Подожди, не перебивай. Так вот, я и говорю, на заводе что творится! Ребята побежали в парикмахерскую...

Борис. Слушай, ты можешь покороче?!

Степан. Я уж у тебя дома был, твои беспокоятся, сказали, что ты здесь... Ждут тебя.

Борис (*перебивая*). На какое число?

Степан. На сегодня.

Борис. Как?

Степан. Вместе с вещами.

Показывает повестку Борису.

Вероника с тарелкой в руках вбегает в комнату.

Вероника. Смотри, какие я тебе вишни приготовила, Степа!

Степан (*быстро пряча повестку*). Красота!

Вероника внимательно всматривается в сосредоточенные лица Бориса и Степана.

Вероника. Вы о чем?..

Борис (*тихо*). Повестка пришла.

Вероника (*повернувшись к Степану*). Да ну! Тебе?

Степан. И мне тоже. Мы оба добровольцами.

Вероника (*растерянно глядя на Бориса*). Как, ты едешь... сам?

Борис. Повестка же...

Вероника. Подожди, а я? А как же я?

Степан. Ну, я побежал. У меня дома тоже... Пока!

Степан быстро вышел из комнаты.

Борис берет голову Вероники в свои ладони и, приблизив ее лицо к своему, говорит:

— Белка, я не хотел тебе говорить... завтра твой день рождения... и вот надо идти.

Вероника (*холодно*). Конечно.

Борис хотел что-то сказать, но раздумал, повернулся и быстро пошел к двери. Вот он уже вышел в смежную комнату, но в это время Вероника с криком: «Боря!» — бросилась за ним. Она силой воли подавила в себе порыв и остановилась, прислонившись к дверному косяку. Борис подошел к ней. Они молча пристально смотрят друг на друга.

Борис. Белка, ну что ты?! Журавлики-кораблики... Нравятся стишки?

Вероника (*стараясь улыбнуться*). Угу.

Борис. И ничего не случится! Слышишь! А потом мы будем жить долго-долго, до ста лет.

Вероника. Иди!

Борис потянулся к Веронике, чтобы поцеловать ее, но она отстранилась.

Вероника. Мы еще успеем попрощаться. Иди, не опоздай.

Борис. Ты сейчас придешь к нам?

Вероника. Да. Иди.

Борис выходит из комнаты. Вероника как бы застыла в дверном проеме, глядя повлажневшими глазами вдаль. Хлопнула входная дверь — и наступила тишина, только слышно, как тикают стенные часы. И этот равномерный звук идущих часов становится все громче и громче.

В квартире Бороздиных идут приготовления к отъезду Бориса. Ирина гладит мужскую рубашку, бабушка укладывает в походный мешок вещи.

Бабушка. А нельзя ему до завтра задержаться?

Ирина. Свинство, если он до сих пор у Вероники!

Бабушка. Нельзя?

Ирина. Повестка же.

Бабушка. Какая-то бумажка и уносит человека сразу, вдруг.

В комнату стремительно входят Борис и следом за ним Марк.

Бабушка. Боренька! Боря!

Борис. Папе звонила?

Ирина. Ругался в трубку на чем свет стоит! Ты почему ничего не сказал?

Борис. Только для того, чтобы не было этих восклицаний.

Бабушка. Боря...

Борис (*категорично*). Все, все, все! (*И он проходит в свою комнату.*)

Борис в своей комнате сворачивает чертежи и говорит Марку:

— Пойдешь завтра на завод и отдашь эти чертежи инженеру Кузьмину. Запомнил?

Марк. Сделаю, сделаю.

В это время Марк что-то тайком от Бориса прячет в дорожный вещевой мешок.

Борис. Что ты суешь?

Подходит к мешку, вынимает шарф.

Марк берет у него из рук шарф и надевает его на шею Борису.

Марк (*как бы спохватившись*). Да, надо красного вина купить, я сбегаю.

Борис идет к своему письменному столу, выдвигает ящик и вынимает оттуда какой-то сверток.

Борис. Бабушка!

В дверях его комнаты тот час же показалась бабушка.

Борис. У меня к вам просьба... Сейчас, одну минуту.

Он берет лист бумаги, ручку и пишет.

Бабушка (*печально глядя на Бориса*). Вас сразу на фронт?

Борис (*не отрываясь от письма*). Наверное.

Борис кончил писать, развернул сверток. Там изящная плюшевая белка с пушистым хвостом и ушами. На ней подвешено лукошко с золотыми орехами, перевязанное лентой. Борис развязал ленту, высыпал орехи на стол, свернул записку и положил ее на дно лукошка. Высыпал орехи обратно, завязал лукошко, завернул сверток.

Борис. Бабушка, завтра утром, если можно, пораньше, отнесите ей.

Бабушка. Что это?

Борис. У нее день рождения.

Бабушка (*кивая головой*). Понимаю!

Борис. И потом, если ей трудно будет... мало ли что... война... вы непременно помогите ей.

Бабушка. А если я умру?

Борис. Вам умирать не полагается, особенно теперь, когда у вас столько секретов.

Бабушка. А я вот возьму и умру.

Хлопнула входная дверь.

Борис. Это Вероника!

Он положил сверток на стол и поспешно пошел к двери.

Бабушка (*которая уже вышла в столовую*). Нет, это Ирина.

По лестнице в доме Бороздиных, прерывисто и тяжело дыша, быстро поднимается Федор Иванович. Вот он распахнул дверь в столовую.

Бабушка (*накрывая на стол*). Слава богу, пришел!

Федор Иванович. Борис!

Борис в это время стоял на балконе. Видимо, он смотрел на улицу — не идет ли Вероника. Услышал голос отца.

Борис. Что, папа?

Федор Иванович. Поди сюда.

Борис подошел к отцу ближе.

Федор Иванович. Двадцать пять лет — и быть, извини меня, таким дураком! Что мы, дети! Игрушки это! Прятки! Роман-

тизма захотел! Характер... А где Ирина, Марк?

Бабушка. Ирина в кухне кофе готовит, а Марк пошел купить красенького.

Федор Иванович. Ну вот, кофе, красенького... Мельчают люди, мельчают!.. Ирина!

Голос Ирины из кухни. Что?

Федор Иванович. Неси из аптечки с заветной полочки.

И, повернувшись к Борису, в упор спрашивает:

— А где Вероника?

Борис (*уклончиво*). Занята.

Федор Иванович. Это нехорошо. Что значит — занята? Жених уезжает!

Борис. Я не жених.

Федор Иванович. А кто же?

Борис. Просто так.

Федор Иванович. То есть как — просто так? Это что-то подозрительно.

Борис. Я не в этом смысле, папа.

Федор Иванович. А в каком?

Борис. Хватит тебе придирааться!

Бабушка. Ну что ты к нему пристал!

Вошла Ирина, неся в пузырьке спирт.

Ирина. Вот из твоей аптечки.

Федор Иванович. Разведи, согласно правилам.

Марк (*появляясь в дверях*). А у меня красенькое!

Федор Иванович. Вот и будешь сам лакать, а мы найдем более содержательную жидкость. Ну, все в сборе? Садись!

Все рассаживаются вокруг стола. В передней раздается звонок.

Марк (*вскакивает из-за стола*). Вероника!

Федор Иванович (*Борису*). Встречай невесту, жених!

Марк открывает дверь, и в комнату входят две девушки со свертками в руках. Это Люба и Даша.

Люба. Мы к Борису Федоровичу с завода.

Марк. Пожалуйста, проходите.

Ирина (*Борису, тихо*). А я-то думала, невеста пришла!

Даша и Люба проходят к столу и, держа свертки в руках, принимают торжественный вид.

Люба. Борис Федорович, мы к вам от завода.

Даша. Нас просили передать вам эти подарки и сказать от имени заводского комитета...

Люба. И комсомольской организации...

Федор Иванович (*перебивая и забирая свертки у девушек*). Держитесь, мол, товарищ Бороздин до последней капли крови, бейте проклятых фашистов, а мы на заводе, здесь, в тылу, будем выполнять и перевыполнять... Все это нам известно! Лучше садитесь, девушки, и выпейте за моего сына Борьку.

Девушки садятся к столу, и Федор Иванович наливает всем рюмки. Вот он встал, поднял рюмку и говорит медленно и тихо:

— Жизнь на земном шаре еще не устро-

ена так складно, как нам бы этого хотелось... Вот ты и идешь на войну, Борис.

Федор Иванович остановился, как будто остальные слова застряли у него в горле. Борис понял состояние Федора Ивановича, поднял свою рюмку и звонко сказал:

— Давайте выпьем.

Федор Иванович. За тебя!

Все молча пьют.

Даша. А мы вчера брата провожали. Мама так плакала!

Федор Иванович. А вы?

Даша. Я тоже плакала.

Федор Иванович. От завкома или так, по-домашнему?

Даша (*смеясь*). По-домашнему.

Люба. Вы знаете, а у нас провожать некого — три сестры и мама... Даже неудобно: у всех уезжают.

Федор Иванович. Да, когда наши вернутся, вы нам позавидуете.

Марк. Весь ужас в том, что не все вернутся.

Федор Иванович. А кто не вернется, тем памятник до неба и каждое имя золотом... Наливай по второй, Борис.

Борис. Ирина, наливай, наливай, а я отнесу подарки.

Он взял со стола свертки и прошел в свою комнату. Там он открыл ящик письменного стола и вынул фотографию Вероники. Вот эта фотография лежит на его ладони. На ней задорно смеющееся лицо Вероники.

Встревоженное лицо Вероники, едущей в

автобусе. Она прижала к груди пачки печенья, коробку конфет. Ежесекундно она высовывается из окна автобуса. Вдруг автобус резко затормозил и остановился. Вероника пробирается к выходу и прыгает с подножки на тротуар.

Автобус остановился потому, что вдоль мостовой, насколько только видит глаз, идут колонны танков. Остальное уличное движение замерло.

Толпы народа стоят на тротуарах.

Вероника выбежала на край мостовой и, мгновение помедлив, бросилась пересекать улицу, лавируя между мчащимися, тяжело грохочущими танками. И кажется, вот-вот одно из этих стальных чудовищ раздавит ее хрупкую фигуру.

Борис стоит посреди комнаты с вещевым мешком за плечами. Он обнимает бабушку, крепко целует ее и шепчет на ухо:

— Бабушка, вы не забудьте.

Бабушка крестит Бориса.

Борис медленно подошел к Марку и тихо сказал ему:

— Марк, ты не ходи провожать, оставайся с отцом.

Марк. Я только до трамвая.

Ирина (*положила на плечо Борису руку*). Ну... вперед!

Борис по-военному козырнул ей и шутя произнес:

— Вперед!

Шутливо маршируя по комнате, Борис двинулся к двери. За ним идут Ирина, Марк, Федор Иванович, Люба и Даша. Молодежь на ходу запела песню: «Мы, красная кавалерия...».

В комнате остается одна бабушка. Песня слышится из прихожей. Вот она доносится уже с лестницы.

Бабушка вдруг побежала и, остановившись на лестничной площадке, перегнувшись через перила, кричит:

— Боря, дай в последний раз погляжу!

Федор Иванович, который тоже стоял на лестничной площадке, говорит резко:

— Мама!

И бабушка покорно прикрывает рот рукой.

Федор Иванович сидит в опустевшей комнате у стола. Фигура его обмякла, голова опущена вниз. Он отодвигает в сторону налитую ему рюмку вина.

Бабушка. Не пьется одному?

Федор Иванович. Не пьется.

Он встал, подошел к вешалке и взял фуражку.

Бабушка. Ты куда?

Федор Иванович. На дежурство.

Бабушка. Ты же вчера дежурил.

Федор Иванович ничего не ответил. Он подошел к матери, поцеловал ее и ушел. Хлопнула дверь.

Бабушка осталась одна. Она в тоске уткнулась лицом в стену и беззвучно заплакала.

В коридоре раздался звонок. Бабушка отворяет дверь и видит растрепанную, взволнованную Веронику.

Вероника. Варвара Капитоновна, попросите Борю сюда на минуту.

Бабушка. Он уже ушел, Вероника.

Вероника. Ушел? Куда?

Бабушка. Туда, на сборный пункт.

Вероника. Так скоро?

Бабушка. Пойдемте в комнату.

Они вошли в комнату Бориса.

Вероника. Где находится сборный пункт?

Бабушка. А я и не знаю.

Она берет со стола оставленный Борисом сверток и подает его Веронике.

Вероника. Что это?

Бабушка. От Бори, ко дню рождения. Тут и записка есть.

Вероника почти механически берет сверток из рук бабушки, разворачивает его и, не обращая внимания на занятую игрушку, ищет записку.

Вероника. А где же записка?

Бабушка. Тут. Разве нет?

Вероника. Нет.

Бабушка. Может быть, уронил.

Они вдвоем ищут записку на столе и на полу.

Бабушка. Видимо, забыл впопыхах.

Вероника. Забыл?

Бабушка. Он вам напишет скоро.

Вероника, подхватив сверток, даже не прощавшись, выбегает из комнаты. Она стремглав мчится с лестницы и почти наталкивается на возвращающегося Марка.

Марк. Что же вы опоздали, Вероника?!

Вероника. Где сборный пункт?

Марк. Вторая Звенигородская, в здании школы...

Он, видимо, хотел сказать еще что-то, но Вероники уже нет рядом.

Школьный двор, где происходит сбор добровольцев народного ополчения. Двор обсажен молодыми деревцами и обнесен изящной железной оградой.

Большая часть провожающих находится на тротуаре за оградой. Их очень много. Это матери, отцы, сестры, братья, друзья, знакомые, дети. Играет гармошка. Слышны разговоры, отдельные выкрики, где-то поют песню.

Борис стоит во дворе за оградой и разговаривает с Ириной, стоящей на тротуаре.

Ирина. Ты успокойся, придет она.

Борис. Если она и пришла, то разве в этой суতোлке найдет!

Ему показалось, что он увидел знакомую фигуру на улице, и он тотчас же взбирается на решетку забора. Но Борис видит только шумящую, колышущуюся толпу провожающих. Он спускается вниз и идет вдоль забора.

Ирина (*ему вслед*). Куда ты? Куда?

Борис идет вдоль забора, пристально

всматриваясь в каждую фигуру, проходящую по улице. Вот мимо него мелькнула женщина, которая уцепилась за пиджак, видимо, своего мужа и причитает:

— Вася, пиши, каждый день пиши! Вася, пиши, каждый день пиши!

Вот он видит, как другая прощающаяся пара стоит молча и женщина, качая грудного ребенка и держа в руках бутылку с соской, покорно и тихо плачет.

Вот к забору протиснулась фигура какого-то очень полного человека и он, сложив руки около рта рупором, кричит кому-то стоящему во дворе:

— Сергей Сергеевич, накладная на цветную капусту у кого?

Группа молодежи образовала круг, и под гармошку девушки и ребята поют и танцуют.

Девушка (поет):

Вьется в небе самолет,
Пролетел над крышею.
Мне привет миленок шлет,
Я его слышала.

Я залеточку сначала
У ворот своих встречала,
А теперь, девчонки, я —
Провожающая.

Борис продолжает идти вдоль забора.

В это время вдаль по переулку растрепанная и запыхавшаяся, прижав к груди сверток

с белкой и свои покупки, бежит Вероника. Она пытается протиснуться ближе к забору, но сделать это ей трудно.

Борис, не найдя Вероники, возвращается к Ирине, Любе, Даше, Кузьмину.

Степан обнимает свою мать.

Вероника все-таки пробралась к забору, вскочила на каменный фундамент ограды и, быстро перебирая руками железные прутья, движется вдоль ограды, разыскивая взглядом Бориса во дворе школы.

Ирина через решетку обнимает Бориса.

Ирина. Веселей, Борька!

Люба. Мы вас придем встречать.

Кузьмин. Борис Федорович, счастливого возвращения!

Вероника продолжает пробираться вдоль ограды. В это время раздается команда: «Становись!» — и добровольцы выстраиваются в шеренгу.

Вероника плотно прижала лицо к забору, как бы стараясь просунуть голову между прутьями. Ей показалось, что она увидела Бориса.

В это время раздается команда: «Равняйся! Смирно!»

Выстроившиеся колонны добровольцев.

Команда: «Направо!»

Лицо Вероники у решетки.

Команда: «Шагом марш!»

Вероника (*вдруг кричит*). Борис! Боря!

Но в этот момент оркестр грянул марш и послышались громкие выкрики провожающих: «Петя!..» «Коля!..» «Вася!..» «Сережа!..» «Дима!..»

Школьные ворота распахнулись, толпа провожающих отхлынула от забора и густой массой двинулась к воротам.

Добровольцы выходят из ворот.

По обеим сторонам улицы, параллельно движущимся колоннам, с криками, плачем, махая шапками, платками бегут провожающие.

Вероника не успела проникнуть в первые ряды, ближе к колонне; ее сдавили где-то позади, и ее голова, стараясь подняться выше, то появляется, то исчезает в толпе.

Борис и Степан идут в колонне. Борис все еще оглядывается по сторонам, надеясь увидеть Веронику. И вдруг он слышит сзади себя как будто голос Вероники, кричащей: «Боря!» Он быстро поворачивается, но идущий сзади мужчина, улыбаясь, похлопал его по плечу и сказал:

— Это моя кися!

Вероника, энергично работая локтями, пробивается в толпе. Волосы ее растрепанны, глаза полны слез.

Идущие в строю Борис и Степан.

С отчаянием пробивающаяся в толпе Вероника.

Какая-то женщина с криком: «Женя! Женечка!» — бросается на шею к идущему в колонне мужчине.

Борис идет в строю. Он уже не смотрит по сторонам. Лицо его сурово и сосредоточенно.

Вот Вероника, почти опираясь на чьи-то плечи, поднялась над толпой. Она увидела спину, как ей показалось, уходящего Бориса и с криком: «Боря! Борис!» — с размаху швыряет пачки печенья и конфеты в его сторону. Печенье падает на землю, рассыпается, и ноги идущих давят его...

Идущие в строю Борис и Степан.

В будке телефона-автомата Вероника. Она набирает номер и говорит:

— Бабушка? Здравствуйте!.. Нет?.. И мне не пишет.

Вероника медленно вешает трубку и выходит из будки. На площади, уставленной противотанковыми ежами и баррикадами из мешков с песком, ее ждет мать.

Мать. Есть?

Вероника. Нет.

Они идут вдоль площади.

Мать. Ох, эта война, война!.. Но что же поделаешь?! Как говорится, горе горюй, а дело делай. Ты определенно решила начать работать?

Вероника. Да. Пойду на военный завод.

В это время из установленного на крыше дома репродуктора раздается голос диктора: «Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!»

Вероника и мать ускоряют шаги. Быстро пробегают люди. Они тоже торопятся в укрытие.

Вероника и мать входят в свою квартиру. За столом сидит отец Вероники. Перед ним разложены листы рукописи и чертежи.

Отец. Сейчас же в метро, в метро!

Вероника. А ты?

Отец. У меня срочная работа.

Мать (Веронике). Иди-иди! Давай вещи. Где рюкзак?

Вероника ищет рюкзак.

Голос отца. Вон он, твой рюкзак.

Вероника берет с дивана небольшой вещевой мешок и кладет туда сидящую на диване белку — подарок Бориса. Затем она подходит к отцу и матери.

Вероника. Я без вас не пойду.

Отец. Если будет опасно, мы спустимся в бомбоубежище. Ну же, не задерживайся, не задерживайся!

Мать целует Веронику и почти силой ведет к двери.

Мать. Иди!

Распахнула дверь и легонько подтолкнула Веронику в спину. Кричит ей вслед:

— Осторожнее в метро!

Мать закрыла двери и вернулась в комнату.

Мать. Как она боится, бедная девочка.

Отец. А ты?

Мать подошла к отцу, обняла его за плечи и прижалась щекой к его щеке.

Мать. Когда Вероника в безопасности и ты со мной, я уже не такая трусиха.

В подземной станции метро. Там прячутся от бомбежки женщины с детьми, старухи, старики, девушки. Народу очень много. Все сидят в глубокой тишине.

Вероника, прижав свой мешок к груди, сидит у колонны. Около нее Даша и Люба.

Слышны глухие взрывы.

У женщины, закутанной в платок, заплакал ребенок.

Люба. Продолжают, изверги!

Глаза сидящих в метро устремлены вверх. Снова слышен гул взрыва.

Даша. У-у-у, паразиты! Даже поговорить не дают!

Вероника (после того как наверху наступила тишина). Он почему-то не пишет мне.

Люба. Ну и что же? Война, почта-то как нерегулярно работает!..

В метро гулко разносится голос диктора: «Отбой! Угроза воздушного нападения миновала!»

Укрывавшиеся в убежище люди поднялись со своих мест. Все как бы ожило и загудело.

Люба. Пойдемте.

Девушки берут свои вещи и идут к выходу.

По улице, мимо домов с заставленными мешками с песком витринами, идут Вероника и Даша.

Даша. Вероника, если вы решили поступать работать, то давайте к нам. Звоните мне прямо на завод.

Вероника. Хорошо.

Даша. Ну вот я и пришла. До свидания!

Вероника. Счастливо!

Даша вошла в подъезд дома, и Вероника осталась одна.

Раздается вой сирен пожарных автомобилей. Вероника насторожилась. Она смотрит, как мимо нее с бешеной скоростью мчатся пожарные и санитарные машины. Она глянула по направлению идущих машин и вдруг бросилась бежать за ними.

Дымящиеся развалины дома, в котором жила Вероника. Пожарные разворачивают шланг, бегут санитары, люди с лопатами, носилками.

Вероника, как безумная, вбегает в еще

горящий дом. Вот она мчится по разрушенной лестнице, и фигура ее то исчезает, то появляется в дыму и в облаках пыли. Под ногами ее сломанные перила, куски штукатурки, кирпич.

Снизу раздается голос пожарника: «Куда?! Назад!»

Но Вероника не слышит этого голоса и продолжает бежать вверх. Почти рядом с ней, у самой ее головы, сверху в пролет лестничной клетки летит горящая балка. Но Вероника не замечает даже и этого, она все бежит и бежит вверх.

Вот она вбежала на лестничную площадку и на мгновение остановилась у двери своей квартиры.

Голос пожарного (снизу). Назад!

Вероника распахивает дверь... За дверью зияющая пустота и видна панорама Москвы. На правой, уцелевшей части стены каким-то чудом висят часы-ходики и мерно постукивают маятником.

По лестнице бежит пожарный. Вот он подошел к Веронике и оттащил ее за руку от края пропасти.

Пожарник. Куда вас несет, куда?!

Пожарник смотрит на Веронику, на ее застывшие, безумные глаза и говорит сдавленным шепотом:

— Простите!

Вероника смотрит в пустоту провала, и в ее ушах возникает ритмическое тикание часов. Уцелевшие часы на стене продолжают тикать. Вероника бессмысленно смотрит на

них. Тикание становится все громче, громче и заполняет все пространство. Вероника хватается за голову и затыкает себе уши. Наступает тишина.

В квартире Бороздиных. Вероника, вымазанная сажей, с ободранным рукавом, спутанными волосами неподвижно сидит на стуле и смотрит в пространство. Около нее Федор Иванович, бабушка, Ирина, Марк.

Федор Иванович. Ты, Вероника, останешься у нас совсем, навсегда.

Лицо Вероники, ее взгляд не выражают никаких чувств.

Бабушка подошла к ней ближе и говорит:

— Борин уголок пока свободен, Марк перейдет к Феде... вот так...

Бабушка легонько приподнимает Веронику и ведет в комнату Бориса.

Федор Иванович отозвал Марка в сторону и говорит тихо:

— Марк, надо, чтобы ей здесь было больше внимания. Я с Ириной, к сожалению, днем и ночью в госпитале...

Марк. Я постараюсь, дядя Федя!

В дверях комнаты Бориса показалась Вероника. Взгляд ее так же безразличен.

Федор Иванович подходит к ней и гладит ее по голове.

— Ну как, устроилась?

Вероника хочет что-то ответить, но с губ ее срывается только какой-то неопределенный звук, вроде «угу», и она закрывает глаза.

Будка телефона-автомата. На стекло ее льет холодный, мелкий осенний дождь. На мокрое стекло прилипают брошенные порывом ветра сухие, пожелтевшие листья. В телефонной будке Вероника. Она говорит в трубку:

— Завод? Будьте добры, попросите Кузьмина... И он ушел на фронт?.. Простите, простите, известий от Бориса Федоровича Бороздина нет?

Вероника медленно вешает трубку.

Вот она вышла на площадь, где когда-то ее ждала мать. Но теперь вместо матери, без шапки, приподняв воротник демисезонного пальто, стоит Марк. Он не спрашивает Веронику ни о чем, и Вероника не говорит ему ничего. Они молча, медленно пересекают как бы полированную дождем площадь, проходя мимо цепочки противотанковых ежей.

Руки, играющие на рояле. Это Марк поздно вечером сидит за инструментом и музицирует.

Вероника сидит в глубоком мягком кресле, неподвижно смотрит вперед, слушая музыку.

Марк продолжает играть, тоже глядя в пространство. Он очень красив сейчас. Но вот он прекратил игру и, не оборачиваясь к Веронике, говорит:

— Если бы не проклятая война, вот это я играл бы в зале Чайковского для тебя.

За окном, завешенным плотной шторой, слышится вой сирены. Марк подошел к окну,

посмотрел в щель на улицу и, приблизившись к Веронике, говорит:

— Вероника, идем в метро.

Вероника. Не пойду.

Марк. Какая глупость! Идем!

Вероника. Боишься?!

Она угадала чувства Марка, но Марк твердо произносит:

— За тебя... Пойдем.

Вероника (*равнодушно*). А я ничего не боюсь.

Марк отошел к окну. Звук сирены слышится все настойчивее и громче.

Марк. Вероника, идем в метро.

Вероника. Не пойду.

Марк. Идем! Слышишь, не глупи! Ты с ума сошла! Пойдем в метро, Вероника!

Он трясет ее за плечи, желая вывести из равнодушного, безразличного состояния. И Вероника кричит:

— Не пойду! Не пойду! Не пойду! Не пойду!..

Марк начинает быстро ходить по комнате, потом резко останавливается, подходит к роялю, решительно открывает крышку, садится к инструменту и начинает громко играть, стараясь заглушить вой сирены и свой собственный страх. Он играет все яростнее и неистовее.

Вероника слушает его неподвижно.

Сирены за окном уже не слышно, а Марк играет все темпераментнее и горячее.

Лицо Вероники неподвижно, и кажется, что она не слышит музыки.

На улице раздается взрыв. От взрывной волны со звоном вылетают стекла в комнате, взвиваются занавески, гаснет свет. И в темноте, которая прорезывается вспышками от залпов зенитных батарей, Вероника и Марк произвольно и инстинктивно бросаются друг к другу.

За окном слышен еще один, более сильный взрыв. Качается люстра, взвиваются занавески, на стене образуется трещина.

Марк бежит в угол комнаты, прижимается к стене, а Вероника подбегает к нему и прячет свое лицо на груди у Марка.

Лицо Марка.

Лицо Вероники.

Марк, впервые почувствовав такую близость Вероники, берет ее голову в свои руки и поворачивает лицом к себе. Он смотрит на Веронику и вдруг крепко целует ее в губы.

Вероника оттолкнула его обеими руками и попятилась от него к противоположной стене.

Марк быстро подходит к ней и, удерживая ее, произносит:

— Я люблю тебя!

Глаза Вероники, выражающие недоумение и гнев.

Вероника. Нет!

Марк. Я люблю тебя!

Вероника. Нет, нет, нет!..

И вдруг начинает бить Марка по лицу.

Марк (*как бы не чувствуя ударов, продолжает твердить*). Люблю, люблю!..

Вероника. Уйди!

Она толкнула его, побежала к двери и мчится по коридору, стараясь успеть выбежать на лестничную площадку. Но Марк догнал ее и, схватив за руку, грубо отшвырнул назад.

Вероника снова вбежала в комнату. И вот она уже видит склоненное над собой лицо Марка, который твердит:

— Люблю, люблю!

Вероника вновь бьет его по лицу и кричит:

— Нет, нет, нет!..

С последним ударом силы как будто изменили ей, она вся обесилела, обмякла, закрыла глаза, и Марк подхватил бесчувственную Веронику на руки.

Он несет ее вдоль комнаты, ступая ногами по битому стеклу, засыпавшему пол. Голова Вероники висит безжизненно.

Запрокинутое лицо Вероники. Она медленно открывает глаза и не может понять, что происходит, куда это она плывет. Слышен только хруст битого стекла.

Ноги, обутые в солдатские сапоги, идут по вязкой и глубокой грязи. Это солдаты. Они идут по тощей, редкой рощице. Кто-то играет на губной гармошке. Идут неорганизованно. Некоторые из них перевязаны, а иных несут на носилках.

Борис и Степан, заросшие и грязные, несут на носилках раненого.

Степан. Надо же так глупо в окружение попасть.

Борис. Ну тебя, Степан, к черту, не пищи!

Степан. А я и не пишу.

Борис. Капитан сказал — к ночи к нашим прорвемся.

Степан. Дай бы боже! Сачков!

Сачков. Я.

Степан (*показывая на играющего на губной гармошке Володю*). Откуда эта плотва появилась?

Сачков (*смеется*). А прямо из инкубатора, воинское пополнение... Ну, теперь уж наверняка к своим прорвемся.

Володя (*перестал играть и, сделав важное лицо, произнес*). Не такие цыплята. Я, к примеру, уже женат.

Сачков. Да ну! Давно?

Володя. Еще в десятом классе обкрутился.

Сачков. Вот оно до чего образование-то доводит!

Идущие рядом солдаты хохочут.

Володя (*стараясь держаться как можно солиднее*). Веселый народ, все шутят. Наверное, шутя и в окружение влопались.

К Володе наклоняется его товарищ-солдат, такой же, как и он, почти мальчик, и спрашивает тихо:

— Володька, ты что, вправду женат?

Володя (*тихо*). Что ты, это я так, для весу.

Весь отряд останавливается. Носилки ста-

вят осторожно на землю, солдаты присаживаются на кочки, начинают закуривать.

К Борису подошел командир.

Командир. Бороздин!

Борис. Я.

Командир. Пойдете в разведку. Надо прощупать, где легче прорваться. Документы сдайте.

Борис. Есть!

Он вынимает из кармана документы. Среди них лежит фотография Вероники. Борис передает документы и фотографию Степану.

Сачков, который стоял поблизости и заметил фотографию, говорит:

— Дай-ка взглянуть.

Степан (*рассматривая смеющееся лицо Вероники*). Всегда так смеется.

Борис. Наверное, думает, нас убили.

«Бравой» походкой подошел Володя и довольно бесцеремонно обращается к Борису:

— А ну-ка, покажи красулю.

Берет фотографию и с напускным цинизмом продолжает:

— Эх, солдатская судьба! Ты ее тут на ладошке вертишь, а она..

Борис (*спокойно, но холодно*). Что она?

Володя. Она там хвостом вертит.

И, взяв губную гармошку, заиграл «Сердце красавиц».

Борис спокойно отбирает у Володи губную гармошку, передает ее Сачкову, говоря: «На, поддержи!» — и с размаху бьет Володю по лицу. Володя кубарем летит в небольшую канаву.

Сачков. Для первого знакомства неплохо.

Бойцы, окружавшие их, расхохотались.

В это время раздался резкий голос командира: «Отставить!» Он подходит к Борису и спрашивает:

— Стыдно?

Борис. Нет.

Командир. Пять суток ареста.

Борис. Слушаюсь.

Командир. Отсидишь, когда придешь из разведки. А в разведку пойдете оба. Сдать документы.

Степан (*протягивает Борису фотографию Вероники*). Возьми, Боря.

Командир берет фотографию, рассматривает.

Командир. Из-за нее?

Степан. Ага.

Командир. Из-за такой можно...

Сачков. Точно.

Командир вдруг понял, что сказал недозволенное и резко оборвал:

— Отставить разговорчики!.. Дисциплина!..

И возвратил фотографию Борису.

Но тот отдал ее Степану, сказав:

— Спрячь, Степан.

Степан прячет фотографию Вероники в нагрудный карман.

Борис. Только не потеряй!

За столом в квартире Бороздиных в полном молчании, натянуто и отчужденно пьют

чай Федор Иванович, бабушка, Ирина и на другом конце стола — рядом сидящие Марк и Вероника.

Вероника сидит вытянувшись, напряженно, закусив губу.

Марк (*чувствуя всю неловкость положения*). Мы... (*он поперхнулся словом*) мы поженемся, дядя Федя.

Ирина резко встает и бросает на стол нож, который она держала в руке. Нож, со звоном ударившись о стол, падает на пол, и Ирина выходит из комнаты.

Молчание становится еще более подавленным.

Бабушка (*стараясь хоть чем-нибудь смягчить напряжение*). Да... я и забыла, что у меня еще чайная колбаса есть.

Она встает и уходит на кухню.

Лицо Вероники. Глаза ее наполнены слезами.

По полю, набухшему от осенних дождей, низко пригнувшись к земле, бегут Борис и Володя. Вот они перелезли через остатки проволочных заграждений, бегут мимо развороченного дота.

Где-то вблизи ухают взрывы снарядов, слышны пулеметные очереди. Пули и осколки шлепаются в воду совсем близко от бегущих. Борис и Володя плашмя падают на землю.

Борис. Лежи, башки не поднимай!
Володя. Ты не командуй!

Они приподнимаются и делают еще одну перебежку.

Остановились около разбитой пушки.

Борис. Живей поворачивайся, пока не накрыли!

Володя. Тебе страшно, так ты и беги!

Борис. Вот мелюзга!

Володя остается у пушки, а Борис продвигается дальше. Сильный взрыв заставляет его лечь на землю. Со свистом летят осколки, рассыпаясь в лужах.

Борис (*слегка приподнялся и кричит*). Алло! Эй ты, музыкант! Оглох?!

Ответа нет.

Борис (*ворчит*). Вот, черт, связался...

Он обернулся в сторону Володи, но его не видно за броневым щитом пушки.

Борис возвращается к Володе и видит, что тот бессильно повис на лафете.

Борис. Что с тобой? (*Наклоняется над Володей*.) Слышишь, что?

Володя (*морщась от боли*). Ползи один, а я отлежусь.

Борис. Ранен? Ну-ка давай, цепляйся за меня.

Володя. Оставь!

Борис (*строго*). Цепляйся, тебе говорят!

Он забрасывает Володину руку за свою шею и силой заставляет его обнять себя, приговаривая:

— Вот так! Ну, ну, крепче держись...

Звалив Володю на плечи, Борис волочит его по полю, с трудом передвигая ноги по грязи.

Пройдя несколько шагов, он опускается на землю.

Борис. Стой, так не выйдет! Давай лучше попросту на спину. Быстрее дело пойдет.

Володя. Оставь ты меня!

Борис. Дурак! Все злишься, что я тебе по морде съездил.

Володя. Повезло тебе, а то бы...

Борис. Молчи, молчи, потом разберем. Давай-ка на спину!

Он взваливает себе на спину Володю и, вполуборот повернувшись к нему, спрашивает:

— Ну, хорошо?

Но Володя только тяжело дышит.

Борис сначала быстро, но потом все медленнее и неустойчивее несет раненого Володю по полю. Вот он остановился, осмотрелся вокруг и снова двинулся вперед.

Борис. Терпи, терпи, друг, до леска немного осталось, а там уж мы, считай, дома.

Борис несет Володю, пробираясь сквозь кустарники. Он уже порядком обессилел, стиснул зубы, пот обильно течет по лицу. Он тащит его и осматривается по сторонам, чтобы найти хотя бы небольшой сухой островок, на который можно было бы положить Володю.

Наконец он видит около старой березы небольшой клочок сухой земли и осторожно опускает Володю на него.

Борис выпрямился, вытирает пилоткой пот с лица.

Борис. Фу! Устал! Не могу! Отдохнем маленько, здесь потише... Фу!.. Ну, ты жив?

Володя. Дышать трудновато.

Борис (*глядя на Володю, пытается улыбнуться*). Ничего, мы еще на твоей свадьбе гулять будем...

В это время раздается сухой выстрел. Борис неестественным рывком запрокидывает вверх голову. Взгляд его полон недоумения и устремлен в небо. Солнце, плывущее в облаках, вдруг уменьшается и уменьшается, как будто проваливается куда-то в бездну. Борис, все так же запрокинув голову, пятится к стволу березы.

Лежащий на земле Володя. Он пытается приподняться на локтях, с ужасом смотрит в сторону Бориса и кричит:

— Друг, что с тобой?! Что с тобой?! Прости меня, прости!

Борис, с остановившимся взглядом, хватается за ствол березы и начинает медленно сползать по нему на землю. Он уже не слышит голоса Володи, который продолжает кричать:

— Из-за меня!.. Прости!.. Прости, друг!..

Вершины оголенных берез начинают медленно кружиться в том направлении, в котором сползает вдоль ствола дерева Борис.

Слышен крик Володи:

— Эй! Кто-нибудь, помогите! Помогите!

Вершины берез крутятся все быстрее и быстрее, образуя в небе гигантский хоровод. И вот на этом фоне возникает лестница в доме Вероники, лестница, которой уже нет.

По ней вверх бежит Борис. Лицо его сияющее и счастливое, хотя он обросший, растрепанный и в распахнутой, драной шинели.

Кружащихся берез уже не видно, а Борис все бежит и бежит вверх. Вот он остановился на площадке у дверей в квартиру Вероники... И в это время из дверей выходит Вероника в белом подвенечном платье и фате, а под руку ведет ее он, Борис, в изящном черном фраке. Они улыбаются друг другу бесконечно счастливой улыбкой.

Слышен голос Володи:

— Помогите! Помогите!

Борис приподнимает с лица Вероники фату и медленно приближает свои губы к ее губам. Они целуются.

Все это и дальнейшее действие — как видение, пронсящееся в голове Бориса.

Вероника и Борис спускаются по лестнице, а площадку наполняют выходящие из квартиры хозяева и гости. Здесь Федор Иванович, бабушка, Ирина, Степан, Люба, Кузьмин, сосед по квартире. Все смеются, высоко поднимают бокалы, бросают цветы молодоженам. Марк сзади обнимает Бориса за плечи и целует его в щеку, поздравляя. Весь свадебный кортеж плавно спускается с лестницы.

Голос Володи. Помогите!

Вероника снимает с головы фату. И ей и Борису в глаза ударяет неведомо откуда бьющий яркий солнечный свет.

Смеющееся лицо Вероники на фоне цветущих фруктовых деревьев.

Но вот ее лицо начинает медленно исчезать, и все явственнее проступают голые верхушки крутящихся в небе берез. Они кружатся все стремительнее и стремительнее и вдруг начинают падать вниз.

Крик Володи. Помогите!

Вытянувшаяся, как будто окаменевшая, фигура Бориса. Он спиной падает в большую грязную лужу.

По лесу бегут солдаты. Впереди них Степан.

По-прежнему громко слышен голос Володи:

— Помогите! Помогите!

Степан, задыхаясь, подбежал к Борису, упал около него на колени, спрашивает:

— Боря, что с тобой? Ты ранен, Боря? Ранен?

Лицо Бориса. Волосы его спутаны и облеплены грязью, затылок лежит в воде. Глаза еще открыты. Они смотрят перед собой, а губы, чуть шевелясь, явственно выговаривают:

— Я не ранен, я...

Остановившийся взгляд Бориса.

Из поезда, пришедшего в далекий сибирский город, выгружают на платформу раненных. Народу на платформе много. Здесь военные и гражданские, местное население и эвакуированные. Люди снуют мимо вагонов, несут свои вещи, разыскивают друг друга. Шум, выкрики, суета.

Среди приехавших Федор Иванович, Ирина. Они идут по платформе, оглядываясь по сторонам: кого-то ищут.

Голос диктора (*из репродуктора, который висит на столбе*). От Советского Ин-формбюро. На фронтах за истекшие сутки ничего существенного не произошло.

Федор Иванович. Ничего существенного... и это неплохо.

Они продолжают идти вдоль перрона.

На каком-то импровизированном возвышении стоит мужчина с бородкой и громко кричит:

— Семьям эвакуированного завода триста двадцать шесть жилые предоставляется на улице Восстания. Подходите ко мне, товарищи!

Наконец Федор Иванович увидел стоящих около груды вещей Марка и Веронику. В лице Вероники покорность и безнадежность.

Федор Иванович. Сибирь!.. Вот куда мы драпанули, куда матушка Россия подалась.

Слышен голос диктора:

— Внимание! Внимание! Начальника эвакогоспиталья номер четыре товарища Бороздина просят зайти к военному коменданту.

Федор Иванович двинулся по направлению к вокзальным дверям.

Марк (*обращаясь к Веронике*). Может быть, здесь мы найдем покой.

Вероника молчит.

Большой коридор, превращенный в кухню,

заставленный корзинками, корытами, столами. На веревках сушится белье.

Несмотря на то, что коридор длинный и широкий, в нем все-таки тесно — так много людей, главным образом женщин. Каждая из них занята своим делом: кто моет детей, кто стирает, кто готовит пищу.

Вероника чистит картошку и бросает ее в небольшую алюминиевую кастрюлю.

По коридору пробирается с охапкой дров в руках старичок.

Старик. Эй, эвакуированные, дайте пройти!

Женщина, стоящая рядом с Вероникой, не без язвительности делает ей замечание:

— Керосинка коптит!

Вероника, которая в это время о чем-то сосредоточенно думала, как будто очнулась ото сна и наклонилась к керосинке, которая действительно сильно коптит. Она убавляет огонь и машет в воздухе рукой, разгоняя летящую копоть.

Вероника (*еле слышно*). Извините.

Женщина. Мечтать, знаешь, после войны будешь.

Вероника. Да...

Вероника идет вдоль коридора. К ней подходит женщина в телогрейке и спрашивает:

— Вы куда?

Вероника. Мне в госпиталь, на дежурство.

Женщина, стиравшая белье, исподлобья смотрит вслед Веронике и говорит:

— Как тень бродит, нервная.

Стоящая рядом с ней женщина замечает:
— Она все какого-то письма ждет.

Стирающая белье женщина. От
кого ей ждать! Мужик под боком, не на пе-
редовой, не то что мы, солдатки.

Женщина в телогрейке. Она ни от
кого не ждет письма.

Вероника входит в комнату, где живет те-
перь она и вся семья Бороздиных. Хозяйка
квартиры, Анна Михайловна, пожилая, седе-
ющая женщина, сидит у окна и вяжет.

Вероника подносит к небольшой печке-
буржуйке охапку дров.

Вероника. У вас вторая смена в школе,
Анна Михайловна?

Анна Михайловна. Да.

Вероника (*присев на корточки, открыва-
ет дверцу печурки и говорит*). Журавлики-
кораблики...

Из печурки повалил чад.

Вероника захлопнула дверцу и, отходя к
окну, продолжает:

— Журавлики-кораблики
Летят под небесами...

Потом она провела пальцами по лбу, как
бы снимая с него что-то, и добавила:

— Фу, привязались эти глупые стихи!

Неожиданно лицо ее прильнуло к стеклу.

Вероника. Идет!..

Анна Михайловна. Кто?

Через окно видно, как по двору идет жен-
щина-почтальон.

Голос Вероники. Почтальон.

Вероника стоит у окна, сжав пальцы рук,
и говорит:

— Если я успею сосчитать до пятидесяти,
мне будет письмо.

Она начинает быстро ходить по комнате
из угла в угол и считать вслух:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь,
восемь, девять, десять, одиннадцать...

Анна Михайловна (*стараясь вы-
вести Веронику из этого взвинченного состо-
яния*). Не надо, Вероника!

Но Вероника продолжает:

— Двенадцать, тринадцать, четырнадцать,
пятнадцать, шестнадцать...

Анна Михайловна. Вероника, это
безумие!

Вероника. Семнадцать, восемнадцать,
девятнадцать, двадцать!

Анна Михайловна (*резко*). Пере-
станьте!

Вероника, продолжая считать, выходит из
комнаты. Она быстро идет, пробираясь сквозь
столпившихся в коридоре женщин, и все счита-
ет на ходу:

— Сорок шесть, сорок семь, сорок во-
семь, сорок девять...

Она распахнула входную дверь. На пороге
стоит почтальон.

Вероника. Здравствуйте!

Она молящими глазами смотрит на поч-
тальона.

Почтальон. Здравствуйте! (*И тихо,
как бы не желая обидеть Веронику, добав-
ляет.*) Вам ничего нет... Лебедевой.

Анна Михайловна протискивается к почтальону, вокруг которого уже собралась порядочная толпа.

Анна Михайловна. Спасибо, спасибо! *(Берет письмо, смотрит на конверт.)* От старшего сына со Второго Украинского...

Гладко причесанная женщина с тонким профилем спрашивает:

— Палюкайтис?

Почтальон. Нет.

И та, беспомощно разводя руками, добавляет:

→ Иола!..

Почтальон ушел. Все возвращаются к своим занятиям.

Вероника направляется в комнату. Она поживает от холода или от внутреннего озноба.

К ней, читая письмо, подошла Анна Михайловна. Сочувственно посмотрела она на Веронику, поняла ее состояние, положила письмо на стол, взяла с кресла теплый пуховый платок и накинула его на плечи Вероники.

Анна Михайловна. Я не знала Бориса Федоровича, но все говорят, что это был умный, одаренный юноша.

Вероника. Был? Пропал без вести, это вовсе не значит — умер.

Она поднимается по внутренней лестнице, ведущей в светелку.

Анна Михайловна *(следуя за ней)*. Конечно, конечно, я просто неправильно выразилась.

Вероника задержалась на лестнице и прислонилась к перилам.

Анна Михайловна. Что с вами, Вероника?

Вероника. Я умираю, Анна Михайловна.

Анна Михайловна *(встревоженно)*. Что вы, ну что вы, милая?!

Вероника, делая над собой усилие, поднялась в светелку, подошла к своей кровати и села на край. Анна Михайловна опустилась рядом с ней.

Вероника *(глядя в пол)*. Я все потеряла.

Анна Михайловна. У вас осталась жизнь, Вероника.

Вероника. А я не хочу жить! Зачем?

Анна Михайловна. Забудьте прошлое... Человеку свойственно забывать многое.

Вероника *(вскакивая с кровати)*. А я не хочу забывать, мне этого не надо!

Анна Михайловна. Но нельзя же всю жизнь казнить себя за ошибки.

Вероника. Надо, и до конца! Вот вы преподаете историю, вы умная женщина, скажите, в чем смысл жизни?

Глаза Вероники, полные слез.

Анна Михайловна поднялась, подошла к Веронике.

Анна Михайловна. В чем смысл жизни? Может быть, в том, что...

Снизу слышен звонкий голос Марка:

— Чернов не приходил?

Вероника *(вытирая слезы)*. Нет.

В пушистом нарядном свитере в комнату по лестнице вбегают оживленный Марк.

Анна Михайловна спускается вниз.

Марк. Ох, и голодный же я!

Он подходит к столу и пьет из стакана молоко.

Вероника нарезает ему хлеба.

Марк. Придет Чернов, будь с ним повежливее.

Вероника. Противный он.

Марк. Мне он, может быть, в сто раз противнее, чем тебе, но ничего не поделаешь — начальство!

Вероника. Почему ты все время так лебезишь перед ним?

Марк (*прекращая еду, ласково*). Милая Вероника, так нельзя. Ты все время какая-то нервная, придирчивая. Ну скажи мне, что для тебя сделать? Что ты хочешь?

Потянулся к Веронике, но она отстранила его руки.

Вероника. Чтобы тебя никогда не было на свете.

Марк, опешив, смотрит на Веронику.

Внизу кто-то постучал в дверь.

Марк. Да-да, войдите!

Сбегают по лестнице вниз.

Входит Чернов.

Чернов. Марк Александрович, извини меня за вторжение.

Марк. Ну, что вы, Николай Николаевич, мы вам всегда очень рады.

Марк услужливо помогает Чернову раздеться.

Чернов. Благодарю. Немцы-то как на Кавказе продвинулись! Читали?

Марк. Да, да, кошмар!

Чернов. Ай-яй-яй! Ну, ничего, мы еще им покажем себя.

Марк (*подводя Чернова к печурке*). Пожалуйста, погрейтесь, тут теплее.

Чернов садится около печурки на пододвинутый Марком стул.

Чернов. Да, хорошо у вас здесь, приятно! А у меня жена с детьми в Ташкенте, живу как бесприютный.

Из светелки по лестнице спускается Вероника.

Чернов (*поднимаясь со стула*). Добрый день, Вероника Алексеевна!

Вероника (*холодно*). Здравствуйте.

Марк (*ласково*). Лапочка, ты куда?

Вероника. В госпиталь, дежурить.

Марк. Закутайся потеплее, холодно.

Вероника, ничего не ответив, ушла.

Чернов. Я всегда восторгаюсь вашей супругой. Какая она всегда непосредственная, чистая и, вероятно, счастлива с вами...

Марк деланно ухмыльнулся.

Чернов. Искал вас сегодня в филармонии.

Марк. А что такое, концерт?

Чернов. Нет. Вы будете вечером у именинницы?

Марк. Вероятно.

Чернов. Подарочек приготовили?

Марк. Что я могу подарить, Николай Николаевич!

Чернов. Война! Да-да, война!

Он вынимает портфель, с которым пришел, вынимает оттуда коробку конфет и протягивает Марку.

Чернов. Не роскошно, конечно, но вы привяжите сверху какой-нибудь пустячок — и Антонина Николаевна будет рада.

Марк. Какая прелесть! А... сколько?

Чернов. А-а-а, пустяки, сочтемся!

Марк. Большое спасибо!

Чернов. Марк Александрович, у меня к вам просьба.

Чернов вдруг остановился, покосился на дверь и тихо добавил:

— Что, наверху никого нет?

Марк. Нет.

Чернов. Вы не могли бы достать у Федора Ивановича некоторые медикаменты?

Госпиталь, в котором работают Федор Иванович, Ирина и Вероника. Госпиталь расположен в здании бывшего клуба. Из дверей с наспех написанной на бумаге табличкой «Операционная» выходит Федор Иванович и следом за ним Ирина, которая на ходу снимает с лица марлевую повязку.

Федор Иванович. Молодец, Ирина! Будет жить!

Ирина наклонилась, поднимает слетевшую с двери бумажку с надписью «Операционная» и прищипливает ее к прежней надписи, на которой выведено «Настольные игры».

Ирина. Надеюсь! Если умрет, с его стороны это будет просто свинство.

Ирина с отцом идут по коридору, в котором тоже видны койки с ранеными.

Федор Иванович. Ох, Ирина, тебе бы мужиком родиться!

Ирина. А мне и в девках не скучно!

Мимо них, завязывая на ходу тесемки халата, проходит Вероника.

Федор Иванович. Вероника, ты что раньше времени?

Вероника *(не поднимая глаз)*. Часы убежали. *(Проходит мимо.)*

Федор Иванович. Бедная девочка!

Ирина. Я ей за Бориса никогда не прощу!

Федор Иванович хотел ответить дочери, но, увидав что-то, быстро пошел вперед.

Вот он стоит у большого окна и смотрит во двор.

Туда въезжают санитарные машины.

Федор Иванович. Опять пополнение, э-эх!

И, сняв белую докторскую шапочку, направляется к выходу.

В автобусе, въехавшем во двор, лежат и сидят раненые. Среди них Володя.

Метет снег. Федор Иванович идет по двору, наклонив голову, защищая лицо от ветра и летящего снега.

Он подошел к сопровождающему раненых.

Федор Иванович. У меня же и так полно! Что это — госпиталь или бочка для селедок? Откуда? Из-под Калача, что ли?

Сопровождающий. Из-под Сталинграда. Некоторые с передовой, а некоторые из госпиталей.

Володя через автобусное полузамерзшее стекло смотрит во двор госпиталя.

Володя. Нашего брата и девать-то некуда.

Сосед-раненый. Ничего, пристроят!

Федор Иванович идет по двору вместе с сопровождающим и ворчит:

— Человек восемьдесят приму, а остальных в другие госпиталя.

Большая палата. Все пространство заполнено кроватями, на которых лежат раненые. На стене висит репродуктор, из которого доносится тихая, мелодичная музыка.

Вероника сидит около кровати, на которой лежит с перевязанной головой молодой парень. Вероника пишет, раненый диктует.

Раненый. Значит, так... «Привет от меня дяде Сергею, Федору, Василию, тете Марье, Аграфене, Катерине, Варваре, Николаю, Катерине»...

Вероника. Катерине было.

Раненый. Это другой Катерине.

Вероника. Так пояснили бы.

Раненый. Не надо, они разберут. Зинаида, Антонине, Кузьме...

Слышен голос другого раненого. Нянька!

Вероника повернулась на голос и идет к кричавшему раненому. Вот она наклонилась

над ним. Это совсем юный курчавый паренек.

Вероника. Что тебе, Воробьев?

Воробьев (*повернул в сторону голову, он, видимо, смущен*). Ничего. Няньку!

Раненый с соседней кровати (*ухмыльнувшись*). Утку ему.

Вероника. Ну так я подам.

Вероника подает раненому судно.

Воробьев (*совсем смутившись*). Спасибо.

Берет судно и сует его под одеяло. Раненые кругом громко смеются.

Вероника возвращается на свое место, но ее задерживает чья-то протянутая рука. Это раненый с завязанными глазами.

Раненый. Кажется, прекрасная музыка. Сделайте, пожалуйста, радио громче.

Вероника подошла к репродуктору, повернула рычажок. Музыка стала слышна громче.

Вероника стоит у репродуктора, слушает музыку. Раненый с завязанными глазами тоже слушает музыку, приподняв голову.

И вдруг раздается резкий голос:

— Закрывай свою музыку!

Вероника у репродуктора. Она ищет глазами, кто это крикнул.

Голос. Выключай музыку, слышишь!

Вероника выключила радио и идет по палате, спрашивая:

— Кто кричал? Кто кричал?

Раненый (*у которого забинтованы обе руки по локоть*). Я кричал, я, а тебе-то что? Э-эх!

Раненый начинает метаться по кровати.

Вероника. Захаров, что с тобой?

Она садится на кровать, пытается унять раненого. Но он продолжает метаться и кричать:

— Уйди! Ой! Ой!

Вероника встряхивает градусник. В это время к кровати подходит раненый на костылях и доверительно говорит ей:

— Записывал! Утром из дома известие получил... Невеста не дождалась, за другого выскочила, стерва!

Захаров. Э-эх! (*Бьет больными руками по кровати.*)

Третий раненый. Не ест целый день ничего. Ты бы его успокоила, сестрица, утешила.

Второй раненый. Эти стервы хуже фашистов, в самое сердце бьют!

Вероника. Надо кушать, Захаров, иначе вы никогда не поправитесь.

Захаров. А я не хочу поправляться, не хочу! Я сдохнуть хочу!

И он начинает зубами рвать на руках бинты.

Вероника растерянно встает.

Четвертый раненый. Зови доктора!

Вероника стоит над разбушевавшимся Захаровым. Палата наполняется гулом, выкриками.

Вероника. Не надо, успокойтесь, успокойтесь, Захаров!

Воробьев (*привстал на своей кровати и кричит издали*). Тоже мне, из-за бабы!

Возмущение в палате все нарастает. Вероника у кровати мечущегося Захарова. Чей-то голос кричит. Зови доктора! Доктора зови!

Вероника бежит по палате.

Сверху, как с балкона, видна нижняя палата. Там тоже начинается волнение.

Пятый раненый. Раскудахтались!

Шестой раненый. Да замолчи ты!

Вероника бежит по коридору, а из распахнутой двери и снизу несутся крики.

Вероника увидела через окно идущего по двору Федора Ивановича и побежала дальше.

Володя сидит в автобусе и видит сквозь стекло, как Вероника в одном халатике, который развевается по ветру, подбежала к Федору Ивановичу и что-то говорит ему.

Володя. Куда же нас теперь повезут?

Его сосед. Хватит еще госпиталей на белом свете.

Автобус трогается с места и выезжает со двора.

По коридору госпиталя решительно и грозно идет Федор Иванович. Навстречу ему доносится шум из палаты. За Федором Ивановичем спешит Вероника.

Раненый на костылях (*в палате, кричит*). Ребята, главный идет, главный!

В палату входит Федор Иванович. Он быстро идет мимо кроватей.

Слышен голос Захарова:

— А-а-а, сволочи!!

Слышно, как что-то со звоном разлетелось вдребезги.

Федор Иванович *(на ходу, кричит)*.
Прекратить!

Он подошел к Захарову и говорит ему:

— Ты еще пока боец Красной Армии. Де-
зертировать хочешь? Боишься, что вылечим
твой руки и опять в армию отправим?

Кругом все притихли.

Сосед Захарова *(говорит робко)*.
Что вы, товарищ начальник, зря о нем так
говорите. Письмо он получил...

Федор Иванович *(резко)*. Знаю. Это
у него только одно оправдание. Подумаешь,
невеста сбежала! Радоваться должен. Ко-
пейка ей цена, если такого...

Лицо слушающего, недоумевающего Заха-
рова.

Голос Федора Ивановича. ...кра-
савца, настоящего героя...

Слушающая Вероника.

Голос Федора Ивановича. ...на
какую-то тыловую крысу променяла.

Голоса. Правильно.

— Вот это верно.

Федор Иванович *(продолжает гово-
рить, стоя у постели Захарова)*. Это она свое
счастье потеряла, а не он! Так ей и надо! Не-
достойна!

Чьи-то голоса. Точно!. Ясно!..

Слушающая Вероника.

Голос. Правильно.

Голос Федора Ивановича. Мелкая
у нее душонка. Разве понимают они, какие
крестные муки несете вы за них же!

Голос. Убивать таких мало, вот что!

Вероника опускает вниз голову, закрыва-
ет глаза и вся съеживается.

Голос Федора Ивановича. Ты
против самого страшного выстоял, против
смерти, в глаза ее видел, сам на нее грудью
шел, а она ничтожного испытания временем
не выдержала.

Лицо Федора Ивановича.

— Таким, как она, всеобщее наше муж-
ское презрение!

Фигура стоящей Вероники.

Голос Федора Ивановича. Нет
им прощения!

Вероника быстро пошла к двери.

В палате воцарились тишина и порядок.

Федор Иванович *(у кровати Заха-
рова, говорит уже мягко)*. Перевязать.

И, повернувшись к стоящей рядом са-
нитарке, добавил:

— А вы смените чай, кашу.

И, еще раз взглянув на Захарова, уже доб-
родушно сказал:

— Не балуй!

Он пошел вдоль палаты и позвал: «Веро-
ника!» Смотрит по сторонам, не видя ее, и
понял, что то, что он говорил Захарову, би-
ло в сердце Веронике.

По улице спешит Вероника. Пальто на ней
не застегнуто, голова открыта, глаза напол-
нены слезами, и видно, что она идет, сама
не зная куда.

Она идет все быстрее и быстрее, начина-

ет бежать. Бег ее становится все стремительнее и стремительнее.

Вот она бежит по окраине города, и мы видим ее мчащуюся фигуру, мелькающую сквозь деревянную решетку забора. Ветер развеивает полы пальто Вероники, снег бьет в лицо, но она ничего не замечает и продолжает бег.

Вот она вихрем взлетела по лестнице, ведущей на железнодорожный мост. Около нее, совсем рядом, промчался маневровый паровоз и на мгновение скрыл от глаз Веронику. Но вот она уже взбежала на мост, прильнула к перилам и смотрит вниз.

Внизу разбегающиеся стальные нити железнодорожных путей. Издалека мчится поезд. Он подходит к мосту все ближе и ближе. Вероника, как загипнотизированная, смотрит на него, закрывает лицо руками.

Поезд вот-вот въедет под мост. Вытянутые вперед руки Вероники.

Поезд с грохотом пронесется под мостом. Вероника продолжает стоять у перил, в ужасе плотно закрыв глаза руками.

Вдруг она слышит сзади себя резкий визг тормозов. Вероника оборачивается и видит, как, пересекая мост, не спеша движется маленькая фигурка ребенка, а из него юзом мчатся тяжелая грузовая автомашина.

Вероника бросается на середину моста и буквально из-под колес выхватывает ребенка. Грузовик проскочил вперед и остановился. Из кабины выснулось возбужденное, потное лицо шофера. Он кричит Веронике:

— Холера малохолерная! Завела ребенка, так смотри за ним! Отвечай тут за вас!.. Разинула рот, дура!

Шофер дал газ, и машина поехала.

Вероника стоит у края моста, крепко прижав к себе ребенка. Вот она опустила его на землю, присела около него и спросила:

— Ты чей?

Ребенок. Мамкин.

Вероника. А откуда?

Ребенок. Из Ворошиловграда.

Вероника. Сколько тебе лет?

Ребенок. Три месяца и три года.

Вероника. Как тебя зовут?

В это время раздался пронзительный свисток проходящего мимо паровоза и, хотя губы ребенка что-то прошептали, Вероника, не расслышав, переспросила:

— Как? Как?

Ребенок. Борька.

Вероника обняла мальчика и подняла на руки.

В комнате Бороздиных. Ирина снимает с печки-буржуйки чайник. Из комнаты наверху слышно, как Марк насвистывает какую-то мелодию. Ирина смотрит вверх и видит, как Марк, нарядно одетый, завязывает перед зеркалом галстук.

Ирина. Ты куда это прифрантился?

Марк. Концерт в госпитале.

Ирина. Ври умнее.

Она открыла крышку чайника и увидела, что там нет воды. Идет к двери и почти стал-

кивается с входящей в комнату Анной Михайловной.

Анна Михайловна. Марк Александрович у себя?

Ирина. Пока да.

И ушла в коридор.

Марк снимает со стены афишу, на которой написано, что такого-то числа состоится концерт пианиста Марка Бороздина. Он заворачивает в нее коробку конфет, которую взял у Чернова, и белку, когда-то подаренную Борисом Веронике.

Анна Михайловна поднялась к Марку в светелку и, протягивая ему две папиросы, очевидно, одолженные для Марка у соседей, сказала:

— Пожалуйста!

Марк. Большое спасибо, Анна Михайловна!

Анна Михайловна смотрит, как Марк заворачивает белку.

Марк поймал ее взгляд и, как бы извиняясь, сказал:

— Тут у одного мальчика день рождения, и я хочу сделать подарок.

Анна Михайловна. Вы, оказывается, добрый, отзывчивый человек, Марк Александрович!

И стала спускаться обратно вниз. Марк смотрит ей вслед, не понимая, сказано это было в похвалу ему или в осуждение.

По набережной, мимо небольшой речушки, идет Вероника и несет на руках уснувшего Борьку. Она очень устала.

Ирина сидит в кресле и читает учебник по медицине. Анна Михайловна сидит невдалеке и вяжет.

Ирина (*читая*). «Симптоматология этого вида комбинированных повреждений зависит от степени конструктивных изменений в узлах, а также от локализации последних».

Анна Михайловна. Интересно, но непонятно.

Ирина. Что вы, по-моему, абсолютно ясно... (*Продолжает читать*.) «Они не всегда регистрируются в клинической практике, а также, оставаясь в стороне и не привлекая к себе непосредственного...».

В комнату входит Вероника с Борькой на руках. Борька кричит, плачет.

Вероника. Тихо, тихо! Успокойся, Боренька!

Борька. К маме хочу, к маме!

Вероника. Ну, перестань, перестань! Тихо!

Анна Михайловна (*бросив вязание*). Что это?

Ирина (*откладывая в сторону книгу*). Что это за фокусы?

Вероника. Какие фокусы? У него родители пропали, на вокзале потерялся.

Борька. К маме хочу, к маме!

Ирина (*подойдя к Веронике*). Надо было сдать его туда, куда заблудившихся детей сдают, — на пункт.

Борька (*кричит*). А-а-а! Не хочу на пункт! Сама иди на пункт! А-а-а!

Ирина. Ах ты, грубиян!

Борька. Сама грубиян!

Ирина и Анна Михайловна ищут что-нибудь такое, чем бы можно было успокоить ребенка, и все время приговаривают:

— Ну, тише ты, тише! Успокойся!

Вероника. Сейчас поедем к маме в Ворошиловград.

Ирина (*подошла к Борьке и, не найдя подходящей игрушки, звонит чайной ложечкой о стакан у самого лица мальчика, приговаривая*). Мальчик, смотри, какая ложечка! Вон какая ложечка...

Борька. Не стучи, в ухе звенит! А-а-а!

Ирина (*протягивает ему крышку от чайника*). На крышечку! Держи! Поиграй с ней.

Борька берет крышку и швыряет ее на пол.

Ирина. Ну на, бери баранку. (*Протянула ребенку баранку.*)

Мальчик ухватил ручонкой баранку и спрятал ее за пазуху.

Анна Михайловна. На сахару. (*Протянула мальчику кусок сахару.*)

Он взял сахар, тоже спрятал его за пазуху и снова начал кричать.

Ирина. Да успокойте его, барабанные перепонки лопнут!

Анна Михайловна. Надо игрушку какую-нибудь найти.

Вероника. Ирина, поддержи его!

Вероника передала плачущего Борьку на руки Ирине и побежала в светелку.

Анна Михайловна (*подходя к Ири-*

не). Дайте-ка его мне! Иди сюда, Боренька! Я тебя раздену, уложу спать.

И Анна Михайловна, взяв Борьку на руки, уносит его на свою постель. Ребенок затих.

В светелке Вероника выдвигает ящики комода, ищет там белку. Игрушки нет. Она достаёт из-под кровати один за другим чемоданы, но и в них не находит белки.

Вероника (*кричит вниз*). Случайно кто-нибудь не видел, где моя белка?

Голос Анны Михайловны (*снизу*). Ее унес Марк Александрович.

Вероника (*рывком подбежав к краю лестницы*). Марк?! Куда унес?

Анна Михайловна. Подарить какому-то мальчику.

Вероника быстро сбежала с лестницы и, возбужденная, остановилась около Анны Михайловны и Ирины.

Вероника. Где Марк?

Анна Михайловна. Я не знаю.

Вероника (*оборачиваясь к Ирине, почти кричит*). Где Марк?

Ирина (*уклончиво*). Я не знаю.

Вероника. Вы что-то скрываете от меня! Куда он ушел? Ты знаешь, да? Куда?

Ирина. Вероятно, к Антонине Николаевне Монастырской.

Вероника (*опешив*). К какой Монастырской?

Ирина. Спроси у Марка.

Вероника. Говори!

Ирина. Ты не командуй... Ну, Марк бывает у этой Монастырской часто... Поняла?

Вероника схватила Ирину за плечи.
Вероника. Ты мне нарочно говоришь это!

Ирина. С какой стати!

Вероника. Назло! Меня любят, у меня муж, а ты... ты все еще старая дева.

И, вдруг схватившись руками за голову, начинает метаться по комнате из угла в угол.

Ирина (*говорит холодно*). Монастырская живет около главного гастронома... маленький домик... Можешь проверить...

Анна Михайловна. Успокойтесь, Вероника, так нельзя!

Вероника (*продолжая ходить по комнате*). Надо что-то делать! Надо что-то делать!..

Анна Михайловна. Придет Марк Александрович, вы объяснитесь, а сейчас надо подождать.

Вероника. Ждать? Опять ждать?!.. Я и так все время чего-то жду, жду... Хватит!

Вероника круто повернулась и выбежала из комнаты.

В душной, накуренной комнате тесно. Здесь собрались люди самого подозрительно-го вида. Все они уже изрядно выпили и шумят.

Марк с папироской в зубах сидит за пианино и, аккомпанируя себе, поет:

К чему слова? Пусть губы немеют,
Они порой неправду говорят,
И лишь глаза глазам солгать не смеют,
Нет, никогда не лжет прощальный взгляд!

Его слушает, облокотясь на пианино, хозяйка комнаты и именинница Антонина Николаевна Монастырская. Слушают и гости. Только один Чернов продолжает сидеть у стола и жадно есть.

Антонина Николаевна отошла от пианино, подошла к Чернову, что-то, наклонясь, шепнула ему на ухо, и они оба прошли в угол комнаты.

Антонина Николаевна. В Ленинграде в этот вечер после ужина мы брали машину и айда по городу из конца в конец. Устройте катание!

Голос Марка.

В твоих глазах сейчас темно и грустно...

Чернов. Не то время, Антонина Николаевна, машины на вес золота, каждый литр горючего экономят.

Голос Марка.

Как будто кто-то в них задул свечу,
И лишь они расскажут безыскусно...

Антонина Николаевна (*ласкаясь к Чернову*). Какую-нибудь, умоляю! Ну, пожарную, санитарную, грузовую... какую угодно, и катанем назло природе!

Голос Марка.

...Все то, о чем я так давно молчу.

Чернов. Вдвоем?!.. До полного забвения?..

Антонина Николаевна томно опускает ресницы.

Чернов (*целует ей руку и говорит*).

Попробую. *(И тихо добавляет.)* Я люблю вас сильно!

Чернов пробирается к выходу.

Марк кончил петь, и пьяные гости шумно аплодируют ему.

Голоса. Bravo!.. Очень хорошо!.. Спасибо!..

Кто-то завел патефон, и раздались звуки фокстрота. Все пустились танцевать.

Марк пробирается между танцующими, ища глазами хозяйку дома.

На столе среди остатков пищи стоит подарок Марка — белка. Толстая женщина взяла ее в руки, повертела и, увидав золотые орехи, воскликнула:

— Ну, кажется, все на свете ела, а вот золотых орехов не щелкала!

Она высыпала из лукошка к себе на ладонь орехи и заметила, что вместе с орехами выпала какая-то записка.

Толстая женщина. Гляди-ка, записка! Видать, поздравление с ангелом, значит!

И она протягивает записку подошедшей Антонине Николаевне. Антонина Николаевна развернула записку, читает. Марк подошел к ней. Он через плечо Антонины Николаевны заглянул в записку и смутился.

Антонина Николаевна кончила чтение и швырнула записку на стол. Гости заметили недоразумение, происшедшее между Марком и Антониной Николаевной, и толстая женщина, взяв записку, с любопытством стала ее читать.

В комнату вбегает Вероника. Она оста-

навливается в дверях и как бы оценивает происходящее.

Марк заметил ее и испугался.

Вероника *(тихо, Марку)*. Где белка? Где моя белка?

Марк. Ты ничего не подумай!..

Вероника увидала стоящую на столе белку, взяла ее.

Антонина Николаевна. Здесь вам записка от какого-то Бори.

Вероника видит записку, решительным жестом вырывает ее из рук толстой женщины, отходит в сторонку и начинает читать ее: «Моя единственная! Поздравляю тебя с днем рождения!»

Вероника поднимает глаза, и ей как бы слышится голос Бориса.

Голос Бориса. В этот день ты появилась на земле. Какое счастье, жизнь моя!.. Уйти от тебя тяжело, но что же делать, иначе нельзя, война! Нельзя жить прежней жизнью и веселиться, когда по нашей земле идет смерть... Мы еще будем счастливы!.. Люблю и верю в тебя! Твой Борис.

Вероника тихо стоит задумавшись.

Марк. Что ты переполошилась, глупенькая! Иди домой, я скоро приду.

Он подошел к Веронике, положил ей руку на плечо.

Вероника, как бы очнувшись ото сна, вдруг с размаху бьет Марка по лицу.

Марк *(пягась)*. Что ты, что!..

Вероника, ни на кого не глядя, подхватив белку, пробегает мимо гостей в сени.

Федор Иванович ведет вдоль госпитального коридора Чернова и, указывая ему на вешалку, говорит:

— Пожалуйста, раздевайтесь.

Чернов. Благодарю вас.

Он, сняв пальто и шапку, повесил их на вешалку.

Чернов. Вы знаете, просьба моя самая ничтожная. Сейчас, как назло, все филармонические машины в разъезде, а мне позарез необходимо... Вы — главный хирург госпиталя, и, вероятно, вам не откажут предоставить...

Федор Иванович (*уклончиво*). С транспортом у нас сейчас очень трудно.

Чернов (*хихикает и двусмысленно, заглядывая в глаза Федору Ивановичу, говорит*). Мне тоже было тогда трудно, но я бегал, бегал... Раз вы просили, уж я, как говорится, в лепешку...

Федор Иванович. Что я просил?

Чернов. Броню. А сейчас она кончается, и на этот раз достать ее будет почти невозможно.

Федор Иванович. Какая броня?

Чернов. Для Марка Александровича.

Федор Иванович, недоумевая, смотрит на Чернова, все еще не улавливая точного смысла его слов.

Чернов, истолковав это недоумение Бороздина по-своему, продолжает:

— Да нет, нет, вы не беспокойтесь, об этом не узнает ни одна душа!

И, увидав на лице Федора Ивановича вы-

ражение каких-то новых чувств, в замешательстве добавляет:

— Неужели Марк Александрович обманывал и меня и вас? Нет, не может быть, он даже деньги мне предлагал от вашего имени.

Федор Иванович снимает с вешалки пальто и шапку Чернова и молча подает их ему.

Чернов подхватил свою одежду и, пятась от Федора Ивановича, исчезает за дверью.

Федор Иванович крупными шагами идет вдоль коридора и на ходу, сняв с головы белую медицинскую шапочку, расстегивает халат.

В квартире Бороздиных. Федор Иванович ходит по комнате. Лицо его сосредоточенно и ожесточенно.

Распахивается дверь, и входят Марк и Вероника.

Марк (*возбужденно*). Дядя Федя, очень хорошо, что ты дома. Я прошу твоей помощи. Она просто дошла до хулиганства. Ворвалась к чужим людям и стала драться!..

Он подошел к Федору Ивановичу, но Федор Иванович остановил его словами:

— Закрой дверь!

Сверху по лестнице спускается Ирина.

Марк закрыл дверь.

Вероника деловито бежит в светелку.

Федор Иванович задержал ее: «Подожди!» И, обернувшись к Марку, говорит:

— Ты думаешь, кому-нибудь сына на войну отправлять хочется?

Марк. Ты о чем?

Федор Иванович (*распалась гневом*). Или ты считаешь, что за тебя, за твое благополучие кто-то должен терять руки, ноги, глаза, челюсти, жизнь... а ты ни за кого и ничто!

Марк. У меня же бронь, дядя Федя!

Федор Иванович (*кричит*). Бронь?! Расскажи, как ты ее получил?!!

Вероника, Ирина, Федор Иванович пристально смотрят на Марка, который молчит.

Но вот Вероника лихорадочно стала складывать свои вещи в чемодан. Она подошла к спящему на кровати Борьке, поплотнее укутала его шерстяным платком, на секунду задумалась, потом побежала вниз с лестницы.

Ирина, которая видела ее сборы, поняла, что Вероника хочет уйти из дому, и остановила ее.

Ирина. Вероника, зачем ты?

Вероника. Ничего, сниму себе угол, возьму Борьку.

Федор Иванович. Может быть, угол найдет себе кто-нибудь другой?

Марк. Пожалуйста, я сам давно об этом мечтал.

Он стал подниматься в светелку, а Вероника выбежала в коридор и стала быстро срывать развешанное на веревке белье. К ней подошел Федор Иванович.

Вероника. Почему вы не прогнали меня тогда же?

Федор Иванович. С тобой случилось несчастье. Осуждать тебя может только тот, кто способен совершить худшее. Оставайся!

Вероника. Не могу! Не могу жить за чужой спиной!.. Не хочу!

Федор Иванович. Подумай! Подумай!

На улице солнечный весенний день. С крыш каплет, на дорогах лужи, снег почернел. Володя в солдатских сапогах, в шинели, но уже без погон, держа в руках записку, медленно идет по улице, рассматривая номера домов.

Володя входит в коридор квартиры, где живет Бороздины. Вот он, пригнувшись, пролезает под развешанным бельем, идет мимо лестницы, ведущей на второй этаж, и, заметив под лестницей Веронику, которая стирает белье, подходит к ней.

Володя. Вы не скажете, где Бороздины живут?

Вероника (*показывая в даль коридора*). Вон та комната, налево. А вам кого из Бороздиных?

Володя. Мне Федора Ивановича.

Вероника. Федора Ивановича нет дома...

Вдруг она перестала стирать и неожиданно, обернувшись к Володе, спросила:

— Вы от Бори?

Володя (*чуть помедлив*). От какого Бори? Нет, я сам по себе. У меня просто дело к Федору Ивановичу.

Вероника. А-а-а! Вы присядьте.

Она сняла с табуретки выстиранное белье, вытерла ее тряпкой и пододвинула к Володе.

Володя (*садясь*). Спасибо.

Вероника. Федор Иванович скоро придет.

И она снова занялась стиркой белья.

Вот Вероника замечает идущего к ней по коридору тепло одетого маленького Борьку.

Борька. Можно я пойду гулять?

Вероника. Можно.

Борька затопал ножонками по коридору и убежал.

Володя. Ваш?

Вероника. Мой.

Володя. Похож. А вы кто будете Бродячим?

Вероника. Так, никто.

Володя (*неопределенно*). Да... Я, знаете, уже отвоевал.

Он достал из кармана губную гармошку, продул ее, попробовал звук.

Вероника. Домой едете?

Володя. Не знаю, попробуешь ли. Ленинград еще в блокаде.

Вероника развешивает белье.

Володя поиграл на гармошке незатейливую мелодию и, задумавшись, оборвал ее.

Володя. Тяжелое у меня положение...

Вероника. Что такое?

Володя. Вам-то мне легко сказать, вы человек посторонний... сына-то Федора Ивановича убили!

И он опять тихонько стал наигрывать на губной гармошке грустную мелодию.

Вероника совершенно механически при-

жала к груди мокрое белье и так же машинально тихо пошла вдоль сумрачного коридора. Она прошла в комнату, постояла у окна и вновь тихо вернулась к корыту.

Володя перестал играть и удивленно смотрит на Веронику.

Вероника (*еле слышно*). Где это было?

Володя. Западнее Смоленска.

Вероника (*немного помолчав*). А вы видели, где его похоронили?

Володя. Нет. Меня положили на плащпалатку и понесли, а к нему подошел товарищ его, Степан.

Вероника (*повторяя, как во сне*). Степан... Степан...

Володя. Мне его невесту теперь разыскать надо. Ох, и любил он ее!

Вероника. Это я.

Володя, пораженный, встает с табуретки.

Вероника роняет мокрое белье, руки ее бессильно падают в корыто с мыльной пеной.

Володя берёт руку Вероники и, низко склоняясь, благоговейно целует ее.

В центре комнаты, сняв шинель и пилотку, сидит Володя. Вокруг него Федор Иванович, Ирина, Вероника, Анна Михайловна. Видимо, Володя только что сейчас окончил рассказ о смерти Бориса, и в комнате воцарилась напряженная тишина.

Федор Иванович. Будешь в Москве, навещай нас, Владимир.

Володя. Спасибо, непременно.

Ясный, солнечный летний день. На набережной Москвы-реки, около Крымского моста, стоят Вероника и Володя. Они смотрят на реку, по которой скользят длинные спортивные лодки.

Вероника. Нет войны, даже странно, верно?

Володя. А вы все ждете?

Вероника. Жду. Человек должен надеяться на что-то хорошее.

Володя. Ну зачем вы обманываете сами себя? Я же видел, как все это произошло...

Вероника (*перебивая, горячо*). Что вы видели? Как его ранили? Как он упал? Вы же не видели своими глазами его смерти.

Володя. Нет. Но почему же тогда нет никаких известий?

Вероника. Мало ли что бывает. От Степана тоже не было всю войну никаких известий, он находился в каких-то особых частях, а сейчас известно. Он скоро приезжает. Даша обещала мне сказать, когда... Борис жив, жив, вот увидишь!

И, возбужденная своими собственными мыслями, она пошла по набережной.

С грохотом и свистом мчится мимо подмосковных пригородных станций поезд. Паровоз украшен гирляндами цветов, флагами, лентами. Здесь на паровозе с развевающимся знаменем в руках стоит Степан.

На каждой станции толпы людей привет-

ствуют поезд взмахами рук, выкриками. Гремят оркестры. Из окон вагонов машут руками счастливые, смеющиеся фронтовики.

Платформа вокзала в Москве запружена народом. Почти у каждого из встречающих в руках цветы. Встречают отцы, матери, сестры, братья, дети, друзья и знакомые.

Вероника, одетая в белое платье, с огромным букетом цветов, пробирается сквозь толпу. Глаза ее сияют надеждой и радостью. Гремит музыка. Возбужденно шумит толпа.

Около Вероники, тоже с трудом пробираясь, идет Люба. Вероника стремительно движется вперед.

Поезд с грохотом подходит к перрону и замедляет ход. Оркестры гремят все громче и громче. Шум толпы нарастает.

Вероника лихорадочно рвется вперед. Из вагонов на перрон высыпаят солдаты и офицеры. Навстречу им летят букеты цветов, бегут близкие люди. Слышен смех, возгласы, приветствия. Люди обнимаются, смеются и плачут счастливыми слезами.

Вероника застыла в толпе, что-то увидав впереди. Глаза ее сияют надеждой. Она видит, как товарищи подбрасывают вверх приехавшего Степана.

Степан замечает стоящую в толпе Веронику и, вырываясь из рук товарищей, кричит: «Вероника!»

Вероника с криком: «Степан!» — бросилась к нему, обняла крепко. Но вот она отстра-

нилась от Степана и выжидающе смотрит на него.

Степан молчит.

Вероника. Ну?.. Что?..

Степан опускает голову и тихо говорит:

— Понимаешь... вот...

Он достает из нагрудного кармана фотографию Вероники и протягивает ее ей.

Вероника, все поняв, громко заплакала и, уронив лицо в букет цветов, с которым пришла встречать, пошла по перрону.

Степан хотел двинуться за ней, но его оттащили в сторону весело шумящие товарищи.

Вероника, рыдая, идет мимо счастливых, ликующих людей. Она не замечает, каким счастьем объаты сейчас окружающие ее люди. А счастливые люди не замечают ее.

Но вот издалека над перроном летит звонкий голос Степана, и все постепенно стихает. Умолкли голоса, не слышно оркестра.

Голос Степана. Дорогие матери, отцы, братья и сестры...

Вероника зарыдала еще громче и крепко прижала к себе цветы. Она как бы сжалась внутренне и замерла.

Голос Степана. ...счастье нашей встречи безмерно, ликует сердце каждого советского человека! Радость поет в сердцах! Эту радость нам принесла победа! Мы все ждали этих счастливых минут!

Вероника плачет все громче и громче.

Стоящий около нее высокий седой старик сказал:

— Все от радости головы потеряли!

Голос Степана. Мы мечтали о них в самые тяжелые дни сражений, но и в эти минуты мы не забудем о тех, кто остался на полях великих битв.

Стоящие на перроне люди снимают шапки. Вероника застыла и вся подалась вперед.

Стоящий на паровозе Степан продолжает говорить:

— Пройдет время, люди отстроят города, деревни, зарубцуются наши раны, но никогда не угаснет лютая ненависть к войне.

Напряженно слушающая Вероника.

Голос Степана. Мы глубоко чувствуем горе тех, кто сегодня не может встретить своих близких. И мы сделаем все, чтобы будущие невесты никогда не теряли своих женихов, чтобы матери не дрожали за жизнь своих детей, чтобы мужественные отцы не глотали украдкой слезы. Мы победили и остались жить не во имя разрушения, а во имя созидания новой жизни!

Вновь грянули оркестры. С новой силой ликует радостная толпа. Все пришло в движение.

Стоящий рядом с Вероникой старик говорит ей:

— Ну, а ты чего стоишь? Кому цветы, тому и дари!

Вероника печально смотрит на старика и протягивает ему несколько цветов из букета. Она двинулась вперед и начинает раздавать прибывшим солдатам и офицерам цветы.

Лицо Вероники постепенно светлеет. Она

слышит благодарственные слова: «Спасибо! Спасибо, дочка! Спасибо, сестричка!»

Вероника раздает цветы людям.

Какой-то широкоплечий, могучего телосложения солдат высоко на руки поднял младенца и, целуя его в задок, смеется и приговаривает:

— Ай да внучка!.. Хороша!..

Вероника протягивает цветок к рукам ребенка, и тот цепко хватает его пальчиками.

Солдат, глядя в небо, говорит:

— Смотрите, смотрите, журавли над Москвой!

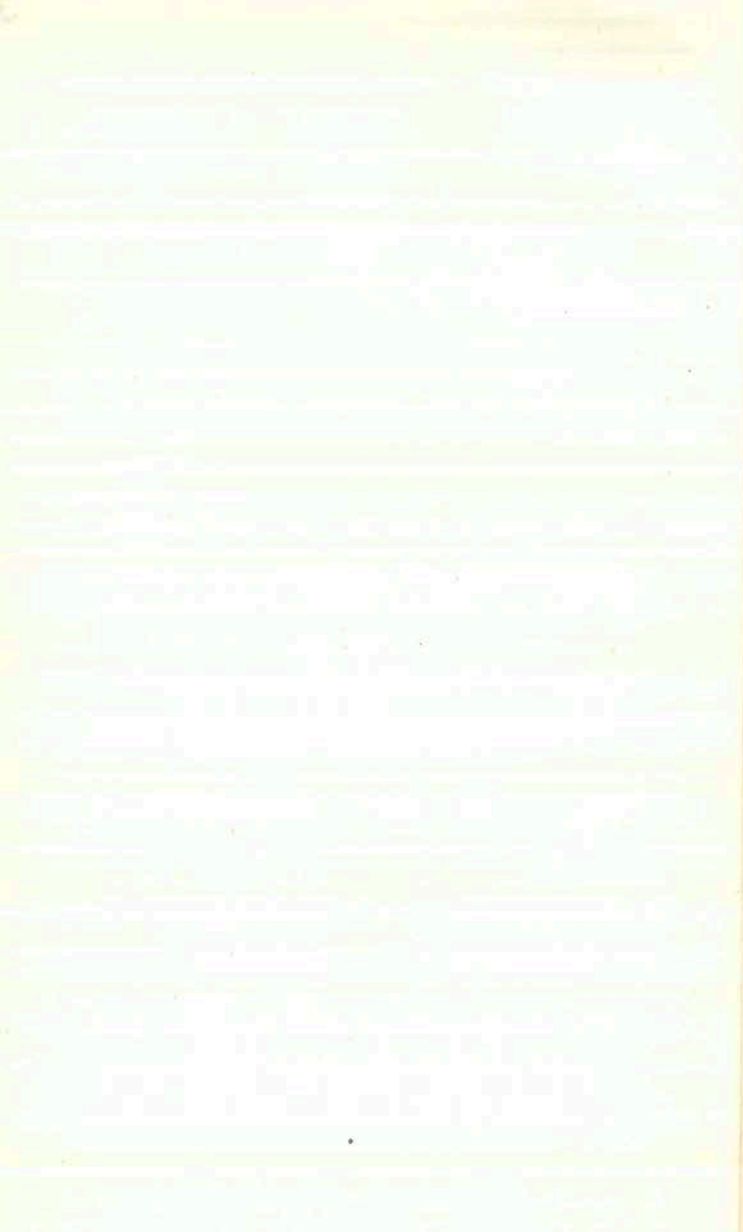
Вероника смотрит вверх.

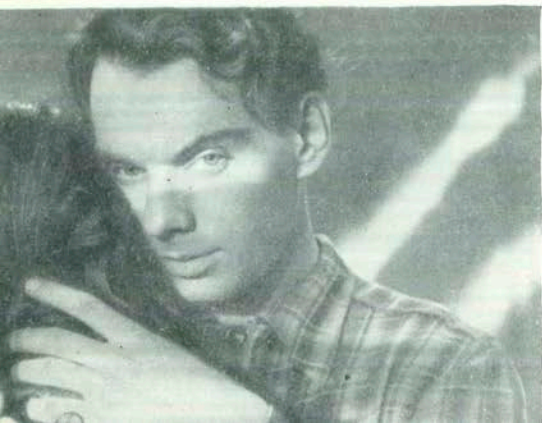
В далеком небе летят журавли.

Продолжая смотреть в небо, она продвигается вперед, и кажется, что сейчас мысли ее тоже летают где-то высоко, высоко.

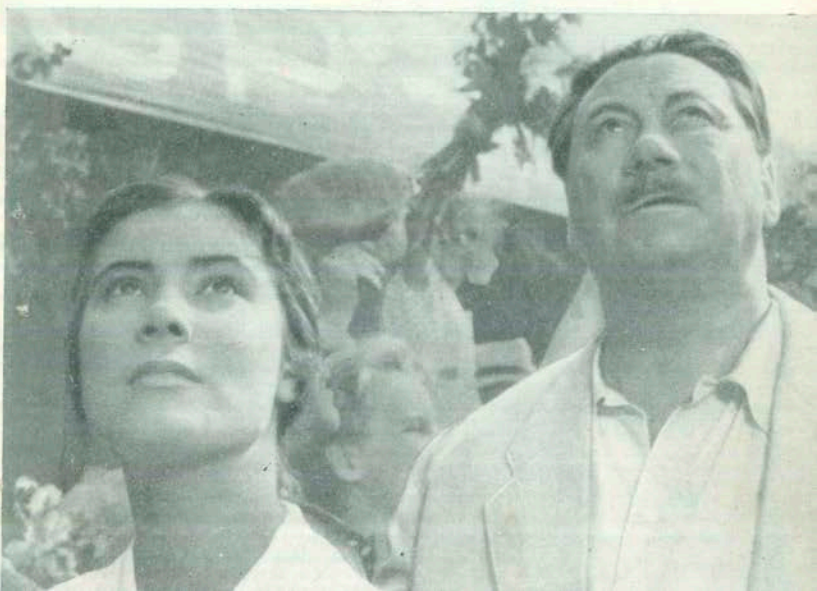
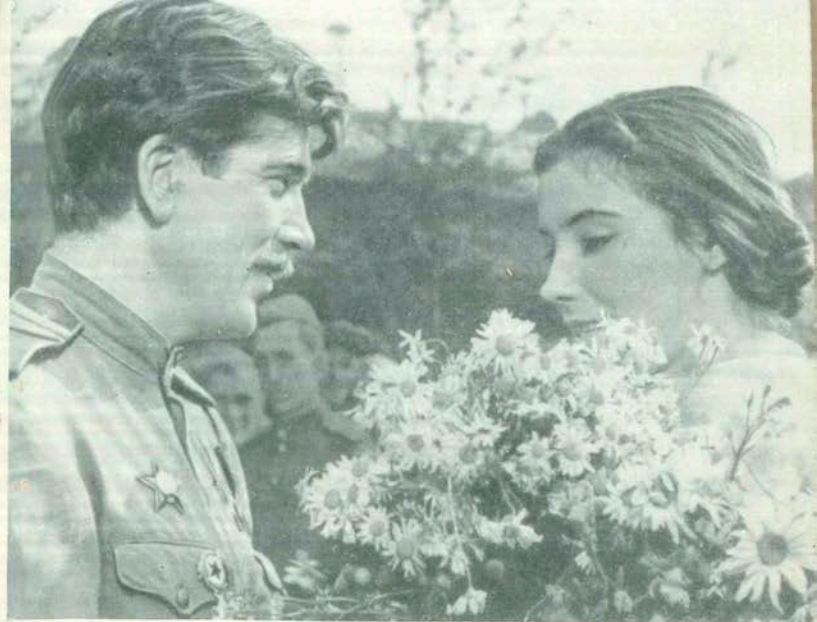
К Веронике подходит Федор Иванович, берет ее за плечи, и оба, остановившись, смотрят вслед улетающим журавлям.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию В. Розова «Летят журавли» поставлен на киностудии «Мосфильм» в 1957 году.

Фильм черно-белый, 10 частей, 2652,1 м.
Режиссер-постановщик Михаил Калатозов.
Главный оператор С. Урусевский. Режиссер Б. Фридман. Художник Е. Свидетелев. Композитор М. Вайнберг. Звукооператор И. Майоров. Текст песен В. Коростылева.

Роли исполняют:

Вероника — *Т. Самойлова*; Борис — *А. Багалов*; Федор Иванович — *В. Меркурьев*; Марк — *А. Шворин*; Ирина — *С. Харитонова*; Володя — *К. Никитин*; Степан — *В. Зубков*; бабушка — *А. Богданова*; Чернов — *Б. Коковкин*; Анна Михайловна — *Е. Куприянова*.

В эпизодах: В. Ананьина, В. Владимиров, О. Дзисько, Л. Князев, Ю. Куликов, Д. Нетребин, Саша Попов, И. Прейс, Н. Сморгчов, Г. Степанова, К. Фролова, Г. Шамшурин.

Государственное издательство
«Искусство»
выпустило в серии
«Библиотека кинодраматургии»
сценарии:

- Е. Габрилович. Коммунист. 1958, 136 стр., цена 2 р. 70 к.
М. Максимов. Лично известен. 1958, 163 стр., цена 3 р. 10 к.
А. Абрамов, М. Писманник. Страницы былого. 1958, 87 стр., цена 1 р. 70 к.
М. Маклярский, Л. Шейнин. Ночной патруль. 1958, 143 стр., цена 2 р. 70 к.
В. Виткович, С. Улугзода, Абу Али Ибн-Сина (Авиценна). 1958, 107 стр., цена 1 р. 80 к.
А. Аббас, М. Смирнова. Хождение за три моря (Афанасий Никитин). 1958, 95 стр., цена 1 р. 90 к.
М. Кочнев, Илья Муромец. 1959, 96 стр., цена 2 р. 65 к.

Готовятся к выпуску:

Б. Метальников. Отчий дом.
Ф. Кнорре. Рига.

Все указанные книги можно приобрести через отдел «Книга — почтой» при магазине № 120 Москиноторга по адресу: Москва, ул. Кирова, д. 6.

